

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРО ПОЛНОЧЬ. Том 1

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Скоро полночь. Том 1. Африка
грёз и действительности**

«Звягинцев Станислав»

2009

Звягинцев В. Д.

Скоро полночь. Том 1. Африка грёз и действительности /
В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав», 2009 — (Одиссей
покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-39130-1

Где бы они ни появились в надежде на тихое пристанище, через некоторое время туда приходит война, и неважно, в какой из реальностей Новиков, Левашов, Шульгин и их соратники по «Андреевскому братству» оказываются на этот раз. Что это – страшная закономерность, жестокая судьба или гипотетические Держатели Мира снова и снова решают проверить их на прочность или выявить пресловутый предел возможностей? Калейдоскоп миров и времен на этот раз переносит друзей из охваченного боями Трансвааля на Валгаллу, в одночасье превратившуюся в «поле брани», заставляя наконец принять решение о последнем и решительном сражении с дуггурами, чье нашествие угрожает самому существованию человечества. Однако не все так просто и однозначно, и победа в битве не всегда означает выигранную войну...

ISBN 978-5-699-39130-1

© Звягинцев В. Д., 2009

© Звягинцев Станислав, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Василий Звягинцев

Скоро полночь. Том 1. Африка грёз и действительности

*В Африке гориллы, злые крокодилы,
Не ходите, дети, в Африку гулять...*
К. Чуковский

Глава 1

Два, может быть, самых могущественных человека в этой России встретились для частной беседы в один из предновогодних дней. Дом в центре Москвы, на углу Трубной площади почти скрывала завеса снегопада. Свистящий вдоль бульваров ветер раскачивал черные ветви столетних лип. Непогода прогнала с улиц пешеходов, да и немногочисленные автомобили пробирались сквозь метель с осторожностью, светя фарами и часто сигналивая.

Тем уютнее было в комнатах. Уютнее и словно безопаснее, как если бы толстые стены защищали не только от разгула стихии, а вообще от превратностей внешнего мира. Зеленые с золотом изразцовые печи-голландки в большой гостиной излучали сухое тепло. Настоящие дровяные печи, с приставленными для их обслуживания истопниками, что мог себе позволить только очень богатый человек. Остальные обходились электричеством.

– Ну и что мы со всем этим будем делать, Валентин Петрович? – спросил генерал Суздалев, сопредседатель клуба «Витязи Отечества» и Верховный координатор всех религиозных организаций России, у сидящего в соседнем кресле адмирала Маркина, начальника Службы безопасности Космофлота.

Спросил и выключил большой трехсекционный, как церковный складень, экран. Прекратилось мелькание сменяющих друг друга документов, видеосюжетов, схем и графиков, поясняющих и обобщающих разнородную информацию.

– Вы меня пригласили, вам на этот вопрос и отвечать, – слегка улыбнулся адмирал, вытягивая ноги и движением плеч разминая затекшую спину. Больше двух часов они внимательно изучали материалы, добытые и подготовленные сотрудниками подчиненных им ведомств.

Встретиться в качестве невольных союзников, даже, пожалуй, *подельников и соучастников*, их заставили достаточно невероятные, моментами абсурдные события последних недель.¹ Суздалев как человек, уже знакомый с людьми – выходцами из параллельной реальности, отнесся к встрече с Александром Ивановичем Шульгиным, «Великим магистром» «Андреевского братства», достаточно легко. По крайней мере особого дискомфорта она у него не вызвала. В сравнении, скажем, с деформацией пространства-времени в окрестностях Селигера.

Маркину, поставленному перед трудно поддающимся осмыслению фактом буквально только что, пришлось труднее.

Один из первых людей на Земле, достигший звезд, полжизни прослуживший пилотом, уже десятый год руководящий галактической разведкой и контрразведкой, был не то чтобы растерян или обескуражен, но выведен из равновесия.

Не подлежащий сомнению факт наличия «на расстоянии вытянутой руки» еще одной Земли, еще одной России, хронологически отстающей от здешней на сто тридцать лет, но в

¹ См. роман «Скорпион в янтаре».

чем-то ее значительно опережающей, прозвонил едва ли не шоковое впечатление. Внешне он этого не показывал, но в душе ощущал, что такое *потрясение основ* даром не прошло.

В дальнем космосе адмиралу приходилось встречаться с разными *непонятностями*, в том числе и с теми, что описал в своих якобы фантастических рассказах воспитанник и младший товарищ Игорь Ростокин. Так на то он и дальний космос. А вот чтобы нечто подобное самым будничным образом случилось на освоенной, ухоженной, мирной в своей цивилизованной части Земле!

Вдобавок гость из прошлого самым неделикатным, пожалуй, даже грубым образом показал Валентину Петровичу, насколько люди его мира превосходят нынешних землян и в психологической, и в профессиональной подготовке. Это же только представить – всего один, отнюдь не выглядевший сказочным богатырем человек с грустным интеллигентным лицом сумел разделаться с целым отделением особо подготовленных космодесантников, а самого адмирала фактически захватил в плен, обставив эту акцию, впрочем, до предела гуманно.

На следующий день и Маркин, и Суздалев получили от Шульгина личные послания, доставленные совершенно непонятным способом в сверхзащищенные личные почтовые ящики. Это выглядело примерно, как если бы в известные читателю времена товарищ Сталин обнаружил в собственном сейфе, ключа от которого не имелось даже у Поскребышева, адресованное ему письмо. Независимо от содержания этот факт вызвал бы, как принято выражаться у журналистов, «непредсказуемые последствия».

Содержание писем тоже было интересным. Суть посланий, опуская всякие дежурно-вежливые слова и извинения в причиненном моральном ущербе, сводилась к тому, что прекрасный мир две тысячи пятьдесят шестого года стоит перед угрозой вселенского масштаба. Возможно ли ее предотвратить или нет – неизвестно. Но в любом случае следует немедленно привести все имеющиеся в распоряжении России, а лучше – всего цивилизованного человечества, вооруженные и научные силы в состояние повышенной боеготовности.

При этом суть самой угрозы практически не раскрывалась. Говорилось только о том, что «Селигерский инцидент» может повториться в планетарном масштабе. Кроме того, не исключается вторжение в их мир враждебно настроенных *существ* нечеловеческой, или *не совсем* человеческой, природы. В качестве первой оборонительной меры Шульгин советовал обоим адресатам незамедлительно встретиться для согласования позиций, а лучше – для заключения пакта о взаимной помощи между ними лично и их ведомствами. Со своей стороны, Александр Иванович обещал всю возможную помощь, но с не вселяющей оптимизма оговоркой: «Если сами будем живы».

Примерно об этом же самом Шульгин уже говорил во время ночной беседы с Маркиным на кухне у Ростоккина, но сейчас решил повториться в письменном виде. Чтобы оставить после себя документ, что ли, а не пустопорожнюю болтовню за рюмкой, каковая есть «неосязаемый чувствами звук»...

Поразмышляв недолгое время над этими письмами, причем не над содержательной их частью, а именно над дипломатически бестактным «советом постороннего» объединить усилия двух не только независимых, но и, как положено, в чем-то соперничающих спецслужб, Суздалев и Маркин сочли, что скверной шуткой они в любом случае не являются, слишком много было пугающе-убедительных доводов. И вышли друг на друга практически одновременно.

Суздалев, обладавший большим опытом контактов с «иновременцами», располагавший даже небольшой библиотечкой из книг, изданных в другой реальности, позвонил коллеге буквально на десять минут раньше. К этому моменту Валентин Петрович уже получил кое-какие материалы предпринятого по совету Шульгина расследования на предмет выявления следов наличия в их мире собственных или общих для всех параллелей Ловушек Сознания.

За стенами и высокими окнами резиденции генерала (или Игумена, как он по-прежнему числился в секретных формулярах), по всей Москве народ повсюду праздновал Рождество,

плавно перетекающее в Новый, две тысячи пятьдесят седьмой год. Погода выдалась истинно зимняя, только и гулять-веселиться, в меру возможностей и вкусов. Если по продуваемым метелью улицам не очень-то пофланируешь, так на дачу выехать в самый раз, с друзьями в гостеприимном доме встретиться у огонька, а хотя бы и в ресторан с цыганами закатиться – проводить старый год и встретить новый от всей души. И недурственно провести пару-тройку свободных от повседневных забот дней, когда прошлое – уже прошло, а будущее пока не наступило.

Только вот двум облеченным властью и ответственностью мужчинам вместо этого приходится заниматься совершенно непонятными, а возможно, и ненужными делами.

– Что нам делать, вы спросили? То, что должны. Остальное от нас не зависит, – несколько перефразируя известную философскую максиму, ответил Суздаев. Ему, в определенном смысле, сейчас было легче, чем собеседнику. От него не требовалось принятия *принципиальных* решений. Всего лишь – тщательно рассмотреть попавшие в поле зрения факты, по возможности правильно оценить их и вытекающие последствия, выработать меры противодействия нежелательным и всемерно стимулировать нужные. Определить силы и средства, необходимые для проведения намеченного. Вот пока и все, остальное – компетенция людей следующего уровня.

– Легко отделаться хотите, коллега, – с усмешкой сказал Маркин. Настроение и ход мыслей собеседника были ему совершенно ясны. Хороший человек Георгий Михайлович, но простоват, несмотря на внешнюю суровость и незримо осеменяющие его погоны полного генерала. Да и как иначе? Все его труды и заботы лежат, так сказать, в сфере чистого разума, в борьбе с врагом, по преимуществу гипотетическим, поскольку в нынешней России (если не считать некоторого количества экстремистов и идейных сторонников уничтожения нынешнего миропорядка) их просто нет. Которые есть – входят в компетенцию государственной жандармерии и других подобных служб.

Другое дело – космические заботы. Мало того, что все *цивилизированные* страны только и мечтают о том, чтобы выведать российские технологические тайны, выкрасть документацию на хроноквантовые двигатели, без которых ощущают себя младшими партнерами, вооруженными автоматами и пушками, но не знающими, как делать патроны и снаряды.

Да еще и террористы (настоящие, организованные), постоянно планирующие захваты звездолетов или диверсии на космодромах, как, скажем, на прошлой неделе в Науру.

Но об этом говорить коллеге Валентин Петрович не собирался ни в коем случае. Пусть остается о себе и своей должности самого высокого мнения.

– Чересчур просто это у вас получается – «остальное от нас не зависит»! Еще как зависит. Да и первая часть формулы – «что должны» – критики не выдерживает. Мне так вот совершенно непонятно: а что же именно мы должны и кому? По линии наших с вами *заведываний* никаких конкретных угроз государственному порядку не просматривается. Если не считать несанкционированного доступа в компьютерные сети и, скажем так, некоторого нарушения пограничных и таможенных правил со стороны группы не до конца установленных лиц. Вот и все. Где же здесь *действительная* угроза жизненным интересам Российского государства в целом и Космофлота в частности?

Суздаев сплел пальцы на коленях и посмотрел на собеседника с интересом студента, получившего от экзаменатора каверзный вопрос. Умного студента, прочитавшего больше книг, чем замотанный бытовыми проблемами доцент.

О ряде подробностей, связанных с событиями вокруг Столбенского монастыря, он пока решил умолчать, если Маркин не имеет на этот счет собственной информации.

– И еще я спрошу, Георгий Михайлович, если позволите. То, что вы наряду с другими обязанностями много лет возглавляете одну из референтур Департамента межрелигиозных отношений МВД, – это каждый знает. Суть вашей работы и примерный объем полномочий

тоже известны тем, кого эти вопросы интересуют. Меня, кстати, не очень. Я – стихийный гностик,² этого достаточно...

– То есть фактически атеист, – констатировал Суздалев.

– Можно и так сказать, хотя академический «научный атеизм» тоже не приемлю. Но вы меня снова уводите в сторону. Позвольте продолжить. Гораздо меньший круг хорошо информированных людей знает, что вы одновременно являетесь негласным куратором существующих в стране специальных служб высокой степени секретности. Я бы даже сказал – формально не существующих...

Это замечание Суздалев предпочел не услышать, хотя было оно абсолютно верным. Никто, кроме узкого круга особо доверенных лиц, не подозревал, что в столь просвещенные времена в стране могут функционировать институты, очень напоминающие средневековую инквизицию, орден иезуитов и тому подобные.

– Может, лучше сказать – консультантом? – мягко вставил Суздалев.

– Как вам будет угодно. Консультантом с правом решающего голоса, несменяемым и никому не подконтрольным.

– А разве так бывает – чтобы никому?

– Законным органам власти – точно...

– Опрометчивое обобщение. Вас, например, я когда-нибудь курировал или консультировал?

– Меня – нет, – согласился Маркин. – Может быть, поэтому я и согласился на эту встречу.

– Значит, мы с вами в равном статусе. Де-юре вы подчинены и главному Космофлота, и соответствующему комитету Совбеза ООН, а де-факто вы скоро десять лет как существуете в качестве эдакого барона времен развитого Средневековья или персидского аятоллы... Почему, как вы думаете?

Вопрос Маркину не понравился. Его самого временами удивляла степень собственной независимости. Он понимал специфику доставшейся ему должности, знал силу собственного характера, позволявшую строго очертить круг своих прерогатив и успешно противодействовать попыткам вышестоящих вмешиваться в деятельность своей службы. Но бывали моменты, когда он задумывался – отчего абсолютно все начальники, с которыми ему приходилось работать, столь снисходительны и сговорчивы? Само собой, то, чем занималась СБКФ, мало кому понятно и тем более едва ли представляет практический интерес для «приземленных» политиков, но все же... А теперь что же получается? Он тоже под крылышком, или – как выражается Александр Иванович Шульгин – «под колпаком», у господина Суздалева?

– Наверное, к этому есть вполне объективные причины, – внешне беззаботно ответил он. – Но все ж таки хотелось бы знать, каков, собственно, истинный объем *ваших* полномочий, регламентированных соответствующими законами и уложениями? Столько лет знакомы, но темы этой как-то и не касались... Сейчас, наконец, пришло время уточнить кое-какие детали, раз уж мы с вами в *инициативном порядке* решили посотрудничать.

– Разумно. Но вы абсолютно уверены, что мы действительно готовы к *настоящему* сотрудничеству? Меня, признаюсь, слегка настораживает присущий вам ригоризм,³ извините за резкость. Я же привык работать без оглядки на писанные законы и многие предрассудки в сфере морали, руководствуясь соображениями *высшей целесообразности*.

– Иными словами – «цель оправдывает средства»? – со странной, похоже, слегка брезгливой интонацией произнес Маркин.

² Гностики – последователи гностицизма, религиозно-философского учения, представляющего смесь христианских религиозных догматов с греческой философией и восточными религиями.

³ Ригоризм – суровое, непреклонное следование каким-либо принципам, правилам, убеждениям.

– Скорее «*Salus populi suprema lex*».⁴ Большую часть жизни я исхожу именно из этого принципа, и, прошу обратить внимание, плоды моей деятельности не выглядят столь уж устрашающе, как вы имели в виду, изрекая достаточно избитую, но большинством совершенно односторонне понимаемую формулу.

– Ну, не будем углубляться в философские и юридические дебри, – ответил после паузы Маркин. – В случае необходимости у нас всегда будет возможность согласовать позиции, не доводя дело до серьезных конфликтов. В целом же я считаю, что у нас просто нет другого выбора, кроме искреннего, нелицемерного сотрудничества. Так что – слово офицера...

– Взаимно. Отныне у нас не должно быть корпоративных тайн друг от друга. О личных, само собой, речь не идет...

– Да это еще как сказать, – впервые усмехнулся Маркин. – Иногда личные тайны – далеко не личное дело. Так все же – о ваших полномочиях. Мои вы знаете.

– Так точно. О своих могу сказать то же самое. Мои взаимодействия с любыми государственными структурами практически ничем не ограничены. То же касается и некоторых других позиций, могущих представлять для нас с вами реальный интерес. За исключением особых, в каждом отдельном случае оговариваемых моментов я могу почти все. Ну, естественно, в одиночку я не имею права смещать правительство, объявлять войны великим державам, отменять существующее в стране денежное обращение...

Суздаев задумался, словно вспоминая, какие еще имеются сферы, неподконтрольные его воле. Это, конечно, следовало расценивать как тонкий юмор, но одновременно в виде намека.

– А меня сместить вы можете? – поинтересовался Маркин.

– Собственным именным рескриптом? Отнюдь. Но *организовать* такой документ – в случае *мотивированной необходимости*, – он подчеркнул эти слова особой интонацией, – свободно. Причем мотивация будет рассмотрена *sine ira et studio*⁵ и со знанием дела.

– Кем?

– Специалистами в данной и нескольких смежных областях, которые обязательно примут во внимание все аспекты, плюсы и минусы того или иного вердикта.

– Специалисты анонимные, и вся процедура вершится в тайне... Не слишком демократично. Мне начинает казаться, что мы живем не в свободном государстве, а в условиях тщательно замаскированной диктатуры, – сказал Маркин озабоченным тоном.

Суздаев рассмеялся. Наивность адмирала моментами его поражала. Он не знал, что в беседе с Шульгиным Маркин полностью признал не только теоретическую возможность, но даже и необходимость *мягкой*, то есть не затрагивающей базовых прав *частного* лица, диктатуры. Сейчас Валентин Петрович просто *зондировал* будущего соратника, а то и дуумвира,⁶ если до этого дело дойдет.

– Давайте, пожалуй, перейдем в соседнюю комнату, там будет удобнее беседовать, – хозяин дома *снял тему*, которой, по его мнению, касаться было рановато. Плод еще не созрел, так ему казалось. – Надеюсь, сегодня нам к документам обращаться больше не потребуется. А на дворе праздник все-таки.

За накрытым на двоих столом Георгий Михайлович продолжил развивать поднятый Маркиным вопрос.

– Если вы мне скажете, что в вашем департаменте основные решения принимаются каким-то иным образом, позволю себе вам не поверить. Демократия бывает либо *непосредственная*, как в Древних Афинах, да и то в весьма ограниченный отрезок времени, либо *ника-*

⁴ Благо народа – высший закон (лат.).

⁵ Без гнева и пристрастия (лат.).

⁶ *Дуумвиры* (лат.) – соправители, два высших должностных лица, обладающие одинаковыми полномочиями.

кая. Так называемая *представительная* – муляж и одновременно фантом. Не мне вам рассказывать. Так что давайте политические вопросы оставим за кадром до более безмятежных времен. А сейчас закусим чем бог послал и порассуждаем свободно и раскованно, благо есть у нас теперь с вами такая возможность на основе достигнутого соглашения.

...Несколько раньше этой встречи, после того как Шульгин пообщался с Суздаlevым и Маркиным и снова исчез вместе с Ростокиным, Георгий Михайлович связался с отцом Флором. Как он в глубине души и предполагал, обстановка в зоне «хроноклазма» нормализовалась. То есть все артефакты и нарушения метрики пространства-времени исчезли, полностью и окончательно. Отдельные люди (за исключением доверенных лиц) – как раз из числа тех, что сохраняли здравомыслие, – кое-что помнили об имевших место событиях, остальные же, попавшие под *настоящую* власть галлюцинации, забыли все.

Так же и материальных следов татаро-монгольского и общего провала в XIII век практически не осталось. Кроме некоторых видеозаписей, которые были сделаны самим Флором и Суздаlevым во время пребывания там. Княжна Елена тоже исчезла. Все происшедшее можно было сравнить с карнавалом давних времен. Только что на улицах кипела удивительная, ничем не похожая на обычную, жизнь, случались странные и даже невероятные события, завязывались интриги, иногда проливалась кровь. И вдруг, в урочный час, с криком третьих петухов, все разом кончилось. Декорации разобраны, пестрый мусор убран с улиц, кровь присыпана песочком, маскарадные костюмы спрятаны в шкафы и сундуки. У участников остались смутные впечатления и симптомы крепкого похмелья, алкогольного и психического.

В общем, получилось именно так, как обещал в свое время Новиков, а за ним – Шульгин. Георгию Михайловичу пришлось, с огромным усилием над натурой и здравым смыслом, поверить, что «химера» – отнюдь не выдумка ловких авантюристов. До этого, с момента первого знакомства с Новиковым и его красавицей женой, Суздаlev ухитрялся удерживать себя в рамках рационализма. Несмотря на то что много лет работал в сфере иррациональной, то есть среди высших иерархов конфессий, каждая из которых по-своему, но утверждала общий для всех принцип: «Верую, ибо это абсурдно». Все более при этом укрепляясь в мысли, что, только оставаясь атеистом, можно сохранять здравомыслие, постоянно сталкиваясь с догматами сугубо противоречащих друг другу верований. И не просто сталкиваясь – это было бы слишком легко и просто.

Ему приходилось на полном серьезе беседовать о весьма принципиальных вопросах: сегодня – с главным раввином, завтра – с предстоятелем старообрядческой церкви, тремя днями позже – с Католикосом всех армян и так далее. При этом очень многие вопросы удавалось решать ко взаимному удовольствию именно потому, что он проявлял соразмерную с собеседником степень эрудиции в богословских вопросах, умение полемизировать в рамках заданной парадигмы и одновременно демонстрировать некую высшую отстраненность позиции.

Этому его долго учили такие же циники, как и он сам. С молодых лет запомнился бывший наставник, католический епископ, переквалифицировавшийся в светского литератора и преподавателя спецшколы, не раз повторявший: «В бога, как такового, я, конечно, не верю. Но продолжаю служить *идее* бога, которая за две тысячи лет оказала и продолжает оказывать громадное влияние на судьбы человечества. Вы меня понимаете?»

Суздаlev понимал очень хорошо, что великолепно ощущали при общении с ним иерархи, которыми ему было назначено руководить. Само собой – отнюдь не в богословских вопросах. Любая церковь – это ведь не только конструкция «не от мира сего», эманация того или иного *высшего существа*, как бы оно ни именовалось, но и вполне материальная *организационная структура*, подчиняющаяся общим законам, хотя бы и Паркинсона. И в таком качестве она не только поддается, но и прямо предназначена для реализации вполне земных и светских целей. Дело лишь в том, каким образом этот процесс управления осуществляется.

Суздалев еще после первой встречи с Новиковым заставил себя отнестись к его истории как к данности.

Раз в родном ему мире возможно перемещение в пространстве со сверхсветовой скоростью или, что почти то же, замедление времени на кораблях без релятивистских последствий (что само по себе абсурдно, так как получается, что каждый корабль по отдельности создает свое отдельное время, которое в итоге каким-то образом согласуется с общеземным), отчего же не принять вытекающую из этого возможность одновременного сосуществования прошлого и будущего в теоретически бесконечном числе вариантов?

И не только в их *нераздельности и неслиянности*, но и при наличии свободно проходимых границ, причем проходимых в обе стороны.

Вот он и принял эту данность, без всякого удовольствия, нужно сказать. Жизнь в новых условиях потеряла главное – определенность и устойчивость. Ради чего, собственно, в свое время молодой полковник и согласился стать одним из криптократов под псевдонимом «Игумен». Двадцать лет он не испытывал сомнений, потому что цель казалась ему достигнутой, причем без государственного насилия и социальных потрясений. Ко всеобщей радости.

И вдруг Суздалев снова ощутил себя полярником, дрейфующим в штормовом океане на тающей льдине. Или, в политическом смысле, жизнь опять стала похожа на *модус вивенди*⁷ мирного обывателя в эпоху смут, революций и гражданских войн. Возможность выжить по сравнению с нормальным временем, да и просто влиять на происходящее вокруг, снижается многократно.

Вариантов у такого обывателя, собственно, остается крайне мало: эмигрировать в спокойные места, затаиться дома в надежде, что минует тебя чаша сия, или же, вспомнив Салтыкова-Щедрина, самому «стать *ироем*,⁸ своим ироизмом всех прочих превосходящим».

Но ведь, с другой стороны, вся деятельность «Витязей» с момента создания этой организации была направлена на обеспечение мощи и процветания России, предвидение и своевременное устранение всех грозящих извне и изнутри опасностей, выявление негативных тенденций в науке, технике и общественной жизни, равно как и всемерное поощрение и стимулирование благоприятных. Грубо говоря, суметь раздуть костер из едва заметной искорки, когда это требуется, и не допустить, чтобы этот же костер, разожженный враждебными руками, превратился в лесной пожар.

Изучив два десятка подаренных ему Новиковым книг (тщательно и с определенным умыслом отобранных, естественно), Георгий Михайлович убедился, сколь своевременно отцам-основателям клуба «Витязи Отечества» пришла в голову спасительная идея и насколько талантливо она вот уже тридцать лет воплощалась в жизнь. На так называемой «Главной исторической последовательности» имевшиеся там тайные и не очень общества, организации и партии несли в себе неискоренимый негативный заряд. Что привело к немыслимого масштаба военным и многим социальным потрясениям, сделавшим «нормальную» человеческую жизнь почти нестерпимой. По крайней мере сам Суздалев представлял себе возможность собственного там существования с ужасом и отвращением. Как ему казалось, даже в самых нестабильных и неразвитых территориях нынешнего мира жизнь была спокойнее и безопаснее.

В двух других параллельных реальностях, с которыми Новиков считал нужным его познакомиться, ситуация складывалась совершенно иная. В них как раз действовали могущественные тайные «ордена» *позитивной* направленности. В объективном смысле, а не потому, что они сами так считали. При условии, конечно, что материалы, представленные ему Новиковым, были подлинниками, а не пропагандистскими подделками. «Пересветы» в достаточно близкой

⁷ Образ жизни (*лат.*).

⁸ *Ирой* – герой, но в несколько негативном смысле, творящий больше зла, чем пользы. Сознательно или по глупости – неважно. Отсюда поговорка: «Ирой с дырой» (*русс. устар.*).

реальности 2005 года вообще почти один в один повторяли идею и даже организационные структуры «Витязей», формировались патриотически настроенной военной элитой, использовали похожие методы отбора и воспитания кадров, пусть и на другой идеологической основе. Ничего удивительного. Миры были очень близки, в них физически существовали одни и те же люди (аналоги), с не очень отличающимся историческим опытом.

Так называемое «Андреевское братство» начало свою деятельность почти веком раньше, не имело разветвленных структур и многочисленного личного состава, однако добивалось своих целей с не меньшим эффектом. За счет гораздо большей жесткости конструкции и методик воздействия на «окружающую среду». Кое-какие фактические материалы внушали определенные сомнения, но здесь уже Георгий Михайлович полагался на собственное чутье и опыт.

Прежде всего – подделки, предназначенные лично для него, просто не имели смысла. Дела иных миров его никаким образом не касались, и влиять на них он не мог. Очень к месту была древняя восточная мудрость: «Верь незнакомцу, ему нет корысти обманывать».

К тому же «незнакомец», он же Андрей Дмитриевич Новиков, был неизмеримо могущественнее Суздалева со всеми его сотрудниками и любых собственных целей мог добиться, вообще не вступая в контакт с российскими учреждениями. Чего стоила хотя бы операция «Репортер», в которую Новиков был введен третьестепенной фигурой, но сумел перехватить инициативу и у той и другой стороны, завершив это дело в одиночку и с блестящим успехом!

Георгий Михайлович проанализировал и осознал свои ошибки, но Андрею предъявить претензий не имел оснований. За пределы договоренности он не вышел нигде.

А случай с яхтой «Призрак»!⁹ Нужно сказать, что здесь Суздалев сознательно пошел на масштабную провокацию, именно чтобы убедиться в реальных возможностях загадочных партнеров, которых он до этого имел основания подозревать в хитром, многослойном мошенничестве с элементами шпионажа.

Схема *прикрытия* была на первый (да и на второй тоже) взгляд до чрезвычайности абсурдной, так в том и прелесть! Разумеется, Новиков с Шульгиным могли решить возникшую проблему собственными силами, но тогда они бы не смогли так легко и просто организовать свою полную легализацию и заручиться поддержкой самой могущественной в этом мире организации. «Витязей» то есть. А главное – его, Суздалева лично. Любил он таких отчаянных парней, очень похожих на него двадцатипятилетнего.

Нет слов, исчезновение «пришельцев» вместе с «репортером», а главное – его подругой, причастной к очень интересным делам, в том числе и весьма интересовавшей «Организацию» тайне «Фактора Т», немало его разочаровало, но и того, что оказалось в «сухом остатке», было достаточно для дальнейшей работы.

И тут вдруг подарок судьбы. Неожиданное возвращение из небытия Шульгина и Росткина. Возвращение, обставленное совершенно мистическим, нет, скорее, отдающим литературщиной самого низкого пошиба образом. Отлично, впрочем, укладывающимся в философскую концепцию Новикова. Было время, обсуждали они вдвоем или втроем онтологическую¹⁰ сущность миров, в которых привелось оказаться тем и другим.

Слова о «химичности» их мира, теперь подтвержденные наглядными примерами, глубоко запали в искушенную умственными упражнениями душу Суздалева. Ничего ведь нет невероятного по большому счету для человека, двадцать лет погружавшегося в глубины идеализма всех толков, от солипсизма до дзен-буддизма, в том, чтобы принять вариант мироустройства, где любому философу снится, что он бабочка, которой снится, что она философ, а

⁹ См. роман «Время игры».

¹⁰ *Онтология* – философское учение, в идеализме (объективном и субъективном) якобы противоположное теории познания и логике. В марксизме-ленинизме все три течения взаимодополняющи.

несвоевременное пробуждение чревато совершенно непредсказуемыми последствиями для того и другой.

Более того, оказавшись внутри чьего-то сна (Ростокина, скорее всего), Георгий Михайлович в какой-то момент ощутил желание никуда оттуда не уходить. Уж больно много новых возможностей открывалось в подобном варианте *конвергенции* XIII и XX веков для человека с его способностями и характером, да при наличии таких сотрудников, как Шульгин, Ростокин и отец Флор.

Правда, оказавшись за пределами «химеры», Суздалев быстро *пришел в меридиан*, приняв как факт, что все случившееся очень похоже на воздействие так называемой Ловушки Сознания, о которых ему рассказывали Новиков и Шульгин, и оба настоятельно предостерегали не попадать в сферу ее активности. Андрей Дмитриевич даже намекнул, что в силу особого устройства психики он, Суздалев, с одной стороны, является потенциальной жертвой этого природного явления, но с другой (по той же самой причине) – имеет недоступные обычным людям, «простецам», как выразился Новиков, способности оной Ловушке противостоять.

Георгий Михайлович в силе собственного духа не сомневался, но то, что нечто подобное «селигерскому инциденту» может повториться в любой следующий момент, вселяло в него некий мистический дискомфорт. Он не был уверен, что, даже включив все имеющиеся силы и средства, удастся удержать мир (и себя лично) «по эту сторону безумия».

– Если сразу *кирдык* не наступит, – образно и оптимистически выразился Александр Иванович.

– Вам же пока не наступил? – спросил Суздалев, который в обществе Шульгина необъяснимым образом ощущал себя не нынешним умудренным годами и должностями сановником, а в гораздо большей степени молодым полковником, явившимся в Троицкое на собеседование к вождям «Витязей». Он тогда пребывал в том же примерно возрасте и, наверное, психологическом состоянии, как эти «братья».

И нельзя сказать, что подобное «возвращение в молодость» ему не нравилось.

Армия и все прочие имеющиеся у государства силы выполняют свой долг в случае масштабного вторжения из прошлого или «параллельного» времени, как бы это ни выглядело физически. Российская армия в описываемый период времени, безусловно, была сильнейшей в мире, и по численности, и по вооружению. Располагая недоступными любому союзнику и вероятному противнику техническими средствами, в том числе и космическими. Не говоря о боевом духе.

Но основная борьба, как считал Суздалев, будет разворачиваться совсем в иных плоскостях. Вот для этого ему и пригодятся ранее сформированные религиозные полки и дивизии. Носители креста, полумесяца, могеновида и тому подобных символов, вооруженные и натренированные по последнему слову военной науки, отличаются особой психологической ориентированностью.

Если командиры в соответствии с догматами донесут в боевых приказах, что нужно сражаться со слугами Сатаны, или кого-то там еще, именно в сакральном смысле, значит, бойцы так и будут сражаться. Совсем не задумываясь о мирских понятиях «справедливых и несправедливых» войн. Враг обозначен, признан духовными авторитетами таковым, поэтому должен быть уничтожен наличными силами безотносительно к *светским* принципам. Посланец дьявола под гаагские и женеvские конвенции никоим образом не подпадает. И понятия «гуманизм» и «пощада» к нему совершенно не относятся.

Вооруженных сил этого рода под контролем Георгия Михайловича состояло более ста тысяч, и столько же – подготовленных резервов первой очереди.

Исходя из всего этого, Суздалев чувствовал себя достаточно уверенно, когда передавал предложение о встрече адмиралу Маркину. Он знал о Валентине Петровиче и возглавляемой им службе практически все, в мелких деталях, достаточных как для искреннего союза, так и

для любой хитрой игры. Предварительное предложение объединить усилия именно с Маркиным он получил от Шульгина. Оснований не доверять ценности этого совета не имел. Ничего не теряя – выигрывал многое. Сделать слишком уж независимого адмирала, фактически держащего в руках весь космический флот Земли, способный достигать рубежей в сто парсек и даже больше, своим соратником (младшим, естественно) – чего же лучше? Случится беда, не случится – второй вопрос. Найдут чем заняться и в мирной обстановке.

Судьба и «братья», наверное, знали, что делали, сводя вместе этих столь непохожих, но одновременно близких по многим параметрам людей.

...– Вы что, совсем не пьете и не курите? – с удивлением, смешанным с неодобрением, осведомился Суздаlev, обводя рукой стол, накрытый именно в рассуждении, чтобы два «уважаемых человека» могли провести время за неспешной, но очень многое решающей беседой. – А еще капитан космических кораблей. Приходилось мне и с подводниками, и с надводными моряками в ресторанах сживать. Очень, скажу я вам, контактные ребята...

– В каком, извините, качестве? – слегка потерял позицию Маркин. Не следовало контрразведчику касаться тем, допускающих «превратные толкования». Похоже, неприятный проигрыш Шульгину несколько выбил его из колеи. Знал бы он, что не первый и не последний оказался в подобной ситуации и что шансов переиграть Александра Ивановича у него не было изначально, реагировал бы поспокойнее.

– Не в вашем, – чуть резче, чем полагалось, ответил Суздаlev. – Обычным армейским капитаном и подполковником. По службе приходилось, и на переходах, и в портах...

– Ну, у меня другая судьба. В лейтенантах не пил и не курил принципиально, отчего и попал в первый отряд межзвездников. Так привычка и осталась. Сейчас немного выпить могу за компанию, а вот табачного дыма не переносу, извините.

– Хорошо, буду на балкон выходить, – со всем полагающимся священнослужителю смирением кивнул Суздаlev.

– Что вы, не затрудняйтесь. Когда окружающие курят, это меня никак не травмирует, я только в том смысле, что сам не приемлю, а если рядом дымит – ради бога...

– Ну и хорошо, а то у меня от нехватки никотина иной раз мыслительные процессы тормозятся... Особенно по вечерам.

– Так как мы с вами видим ситуацию? – спросил некоторое время спустя Суздаlev, с удовольствием попыхивая хорошей сигарой. – С глазу на глаз можно говорить свободно, не заботясь, что со стороны нас могут посчитать дураками...

– Это меня как раз очень мало волнует. Иной раз дураком казаться – весьма полезно для дела. Особенно с начальством.

– На этом сошлись. Хорошо, – кивнул Суздаlev. – А между собой?

– Что?

– Да то же самое. Лично я, общаясь с *потусторонними* господами, против воли, но регулярно ощущал себя в том самом качестве. И не потому, что совершал что-нибудь действительно глупое или несоответствующее, а просто так. По определению. Словно бы они настолько больше знают и умеют и принципами никакими не отягощены. У вас, Валентин Петрович, подобного не возникало?

Суздаlev смотрел на адмирала пронзительно-сочувствующим взглядом. Маркин подумал: «Не может же он знать о том, что случилось в «Славянской беседе»? Или – может? Как – другой вопрос. Но если действительно знает – я очень здорово проигрываю в этой партии».

– Да не затрудняйтесь вы так, Валентин, – с легкой улыбкой сказал Суздаlev. – По своей нынешней специальности я обязан уметь читать в душах. В вашей, например, не располагая никакой специальной оперативной информацией, я прочел, что вы пребываете в легком смяте-

нии. Причина этому – встреча с Шульгиным. Так? Я с ним лично мало встречался, все больше с его старшим, как мне кажется, товарищем. Но в поле зрения держал, и мои сотрудники его очень хорошо узнали во время одной совместной операции.

Затем эти господа внезапно исчезли, вместе с «репортером», он же ваш протеже и почетный корветтен-капитан вашего флота – Ростокин. А поскольку вы не привыкли к настоящей *тайной деятельности*, на уровне подсознания, то выдаете себя примерно в той же мере, как вор, на котором горит шапка. Еще раз прошу прощения, но это выглядит именно так.

– Вы специально меня оскорбляете и провоцируете? – напрягся Маркин.

– Да ни в коем случае. Успокойтесь, Валентин Петрович. Вообразите, что сейчас происходит нормальная, спокойная беседа между столяром и плотником. Уловили? Вам ведь в своих должностях никогда не приходилось полировать тонкой шкуркой то, что успешно вытесано топором? Разумеется, построенные вами «избы» и «церкви» простоят сотни лет, а вот столик из красного дерева в кабинете митрополита или, что бывает полезнее, в спальне его келарши может и перевесить. Как считаете, Валентин Петрович?

– С такими сравнениями мы далеко зайдем, – насупился Маркин. – А в принципе вы правы. Успешно сотрудничать мы сможем, только если правильно и без возможности возникновения в будущем всяких обид и недоразумений распределим сферы ответственности, влияния и так далее. Не следует, чтобы мои и ваши люди пересекались на «одной делянке».

– Так я же с самого начала и подвожу вас к этой мысли, – улыбнулся Суздалев. – Никакого пересечения интересов. Только взаимодополнение. Хотите, я дам вам гарантию, что с завтрашнего утра ни один, вы понимаете, в буквальном смысле слова НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК не поинтересуется деятельностью вашей службы? Как будто она вообще исчезнет из реестра государственных структур. При этом все предусмотренное бюджетом финансирование будет поступать неукоснительно, а любые экстраординарные заявки рассматриваться в первую очередь и приниматься без корректировок.

Как у нас в полку начальник артвооружения регулярно получал спирт в немыслимых количествах «для промывки фокусного расстояния прицелов». Друг-однокашник у него возглавлял корпусную службу маттехснабжения...

– Что-то мне кажется, я начинаю поступаться принципами, – грустно сказал Маркин и поднял свою рюмку с коньяком.

– Принципы нужно уметь вовремя доставать из кармана и вовремя прятать в карман, – сообщил Суздалев. – Не Христос ли сказал: «Я принес не мир, но меч»? Глупо держать в памяти заповедь «Не убий», отправляясь на войну.

Он со вкусом выцедил коньяк, посмотрел на коллегу веселыми глазами.

– А не вызвать ли нам автомобиль и не отправиться ли куда-нибудь? На Воробьевы горы хотите? Я там знаю одно совершенно приятное, а главное – приватное заведение. Хватит нам, действительно, терзать друг друга нудными антиномиями. Люди мы, в конце концов, или голые функции? Суббота для человека, а не человек для субботы. Так как?

– Ну, будь по-вашему. Давайте, вызывайте. Прежняя жизнь все равно кончилась, а новую нужно начинать весело...

А по дороге все-таки расскажете, как мы с вами планируем бороться с силами «не от мира сего».

Глава 2

Вечер и часть ночи Суздалев с Маркиным провели хорошо. Даже на удивление хорошо. С застекленной от потолка до пола галереи седьмого этажа, разгороженной на уютные кабинеты для любящих приватность господ, чудесно видно было празднично иллюминированное Бульварное кольцо. За ним высились подсвеченные прожекторами Кремлевские башни и гигантская елка на Манежной площади.

Отодвинув штору с обращенной внутрь громадного общего зала односторонне прозрачной стены, можно было наслаждаться со вкусом составленной концертной программой. Выбор блюд превосходил самые смелые мечты Лукулла. А главное – до полуночи оба собеседника твердо выдерживали условие – ни слова о делах. Каких бы то ни было. Можно было вспоминать боевую молодость, говорить о женщинах, травить анекдоты, то есть развлекаться самым беспринципным образом. А этого у всех было в избытке.

Суздалев рассказывал, как в составе отряда речных канонерок под убийственным огнем с береговых фортов прорывался вверх по реке Хуань-Пу, как они заняли, наконец, Нанкин и как ему, тогда еще в капитанском чине, лично Император Пу-И-дзи, вновь посаженный на престол Поднебесной двумя десантными ротами, вручал орден «Восьми Золотых драконов».

Раритетная вещица, извлеченная из сундука прабабушки, императрицы Цы-Си. Не латунь и не томпак, чистое золото с серебром и рубиновая эмаль.

То, что территория возрожденной империи простиралась ровно на радиус полета тактических ракет с канонерки «Манджур», Пу-И не слишком заботило. Главное – зацепиться. Большой Северный Брат на полпути не бросит.

Так и случилось. С помощью срочно высаженного десантно-штурмового батальона, поддержанного тяжелым крейсером «Аскольд», владения Пу-И-дзи простерлись до Фучжоу, Уханя и Циндао. Но к личным впечатлениям Суздалева это уже отношения не имело. Получив вдобавок к ордену чин мандарина третьего ранга с пятью яшмовыми шариками на фуражке, он отбыл из Поднебесной для выполнения очередного задания.

Маркин, в свою очередь, увлеченный дружеской беседой, подробно доложил, все время пытаясь рисовать чертежи на салфетке, как в 2025 году он вышел за пределы Солнечной системы на подводной лодке «Барс», оснащенной вместо дизелей первым в мире хроноквантовым двигателем. Никаких других прототипов космических кораблей, способных противостоять вакууму и иным возможным опасностям, в России не существовало. Потом американцы, конечно, писали, что использовать подводную лодку для межзвездных перелетов придумали именно они, какой-то каперанг Гаррисон, или другой, несущественно. Но мы ведь знаем... Какие у них, на хрен, лодки? А уж двигатели...

– Я ведь даже и забыл, когда у меня выдавалось нечто подобное, – где-то во втором часу сообщил Суздалеву Маркин. – Похоже, я многое упустил в этой жизни...

Одетый в черные брюки и алый сюртук с золотыми шнурами официант к этому времени подал на стол десерт, кофе и ликеры.

– «Не оставляй добра на перекрестке этом, к нему возврата нет, об этом не забудь», – процитировал Георгий Михайлович. – Наши с тобой боевые и трудовые заслуги кто-нибудь когда-нибудь вспомнит? Клянусь, что нет. Похоронят, стрелнут три раза в воздух холостыми и на следующий день, мучась с похмелья после поминок, вернутся к текущим делам. И все для нас в этом мире кончится. Совсем. Так что выпивай, Валентин, и закусывай и хоть сегодня не думай о всяких глупостях. Девочек в кабинет вызывать вроде и не по чину нам с тобой, а вот того скрипача – отчего бы и нет? Пусть нам персонально из Сарасате что-то изобразит...

А мы будем слушать и время от времени промокать платочками уголки глаз. Вполне в образе подгулявших купцов получится.

– Только мы с тобой на купцов не сильно похожи, – усомнился Маркин.

– Купцы – они всякие бывают. Зависит от того, чем торгуют. Если контрабандным оружием – так в самый раз. Вот, помню, как-то недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива...

– Так, может, сразу про баб, минуя пролив? – засмеялся Маркин.

– Нет, подожди, там очень интересно получилось...

С увлекательного разговора об оружии, в котором оба понимали толк и знали, где что можно купить и что продать – в высших государственных интересах, естественно, поскольку собственных у них давным-давно уже не было, разговор сам собой соскользнул на исходную тему.

– И все-таки – что мы можем противопоставить вторжению на Землю сил, о которых не имеем никакого представления и которые сильнее наших умственных и технических возможностей? – спросил Маркин. – Ты ведь не смог объяснить и понять, что там на Селигере случилось?

– Объяснить пока не смог, а противодействовать – очень даже. И объясним, дай срок. В чем на наших друзей сильно надеюсь...

– Хотелось бы верить. Я вот, не один год назад столкнувшись с кое-чем инопланетным, так ни в чем и не разобрался.

– Но тоже – предотвратил. Знаю, что там у вас случилось, сам в догадках теряюсь, что за гуманоидная публика пыталась едва не четверть земного населения в аренду взять,¹¹ но ведь дальнейшей агрессии не последовало? А вас там не так и много было.

– Плюс Ростокин, – сказал адмирал.

– Именно. И на Селигере Ростокин плюс Шульгин. Еще раньше – Ростокин, плюс Шульгин, плюс Новиков. В твоих *недоразумениях* тоже Ростокин откуда-то неожиданно всплывал. Тенденция, нет?

– Как тебе сказать. Просматривается тенденция. По пяти точкам уже можно начинать графики строить. С последующей экстраполяцией, – согласился Маркин. – А если без них? Не справимся?

– Мы с тобой тоже кое-чему подучились. Я, к примеру, завтра же собираюсь встретиться с военным министром. Что-то давно у нас крупномасштабных маневров не было. А бойцов и командиров учить надо? Надо. Возьмем и устроим этакую «Зиму-57» с призывом приписного состава...

– Союзникам объяснять придется, чего это вдруг...

– Обойдутся. Если каждому свой каждый шаг объяснять... Как говорил Иван Грозный: «На своей земле я над людишками властен...»

– Опять двусмысленные ассоциации...

– Если нас ждут суровые дни и годы, нужно быть максимально готовыми. Ты ведь не думаешь, что к нам придет культурный и высокоцивилизованный враг? Я этих врагов видел.

– Я, представь, тоже.

– Допустим, Валентин, боевые подразделения мы в готовность приведем. Четырехмиллионной армии нам хватит, чтобы отразить любое вторжение. Еще мой спецназ...

– Еще Космофлот и сорок миллионов мобилизационного резерва. И это только в России, – загибал пальцы на руке Маркин. – Но...

¹¹ См. роман «Андреевское братство».

– «Но» – это наше полное незнание о природе опасности. А при этом все наши расчеты – поюнуть и растереть. Вот о «но» поговорим в следующий раз. Сейчас я не готов. Понятно выразился?

– Куда понятнее.

Расставаясь под утро, встретиться договорились в первый присутственный день после Нового года. Провести нормальное деловое совещание, с привлечением компетентных специалистов. Конец света, если ему и назначено произойти, вряд ли подгадает точно под праздники. Ну а если да, так все равно ничего не поделаешь.

Кроме того, оба конфиденнта в глубине души надеялись, что снова, как «Deus ex machina», объявится Александр Иванович или Андрей Дмитриевич и объяснит, что нужно делать и как.

Однако сам Георгий Михайлович уже в десять часов утра, слегка отоспавшись и приняв контрастный душ, вызвал к себе офицера для особых поручений. Того самого Анатолия Арнаутова, который обеспечивал операцию «Репортер» и помогал Шульгину спасти «Призрак» от захвата и интернирования¹² в Австралии. Проверенного в стольких делах и допущенного к стольким тайнам, что скрывать от него было нечего. В смысле фактов, конечно. Замыслы начальства – это особая статья.

– Значит, Анатолий, сделай ты мне вот что... «Боржома» из холодильника принеси, для начала, и охотничью чарку «Смирновской».

Требуемое немедленно было доставлено. Полковник там ты или прапорщик, если генерал просит, по какой-то причине не желая прибегнуть к услугам вестового, – сделаешь.

– Спасибо, – сказал Суздалев, *хлопнул сотку* ледяной водки, подражая Александру Третьему. – Тебе не предлагаю, у тебя работы сегодня много будет. До вечера управишься – отпущу праздновать. Нет – извини. Задача в принципе простая, но уж как пойдет. Иди сейчас в оперативный отдел, подними дело «Репортера». Помнишь, подсказывать не нужно?

– Да Георгий Михайлович, оно у меня все вот здесь, – полковник постучал себя пальцем по виску. – Что требуется?

Суздалев хитро улыбнулся. Четок у него в руках сейчас не хватало и красной сутаны на плечах, а то вышел бы чистый Арамис из третьего тома, дослужившийся до иезуитского генерала.

– Все здесь? Ну, так и доложи мне, не сходя с места, что за аппаратура у него на квартире установлена, позволяющая без видимых следов взламывать коды линий СБКФ и мои тоже. Где он ее взял и где пользоваться научился. Итак...

Полковник Арнаутов явным образом растерялся. Чего-чего, а такого вопроса он совсем не ожидал. Вся разработка по Ростокину касалась совершенно других вопросов.

– Вот, друг любезный, – с печалью в голосе сказал Суздалев, – учил я вас, учил, а простейшим вещам не выучил. Чего ради храбриться, когда не знаешь, о чем дальше речь пойдет? Дело ты, верю, наизусть знаешь, а откуда тебе известно, что именно начальник спросит? Он кое в чем тоже компетентен, невзирая что *молодым* – ретроградом кажется, склерозом пораженным. Только я тоже молодым был и хорошо усвоил – раз спрашивают очевидное – непременно жди подвоха. То ли обстоятельства изменились, то ли новые факты всплыли, тебе пока неизвестные. Всегда лучше перестраховаться, в *непонятку* сыграть. «Да, да, конечно, ваше превосходительство, немедленно все бумаги подниму, часиков через шесть кое-что и выясним...»

Эх, штаб-офицеры, учить вас и учить! Даже самого себя обманывать, лишь бы хоть в будущем толк вышел. Нам ведь, старикам, на покой скоро, а кому *бразды* передавать?

¹² См. роман «Время игры».

Анатолий понимал, что начальник в хорошем настроении, отчего и веселится доступным ему образом, а все равно было неприятно. Мордой-то по асфальту Георгий Михайлович его так повозил.

– Виноват, ваше превосходительство. Учту. Спасибо за науку. Погорячился я. Немедленно все будет сделано. До вечерней проверки...

– Посмотрим. Иди, работай.

Арнаутов немедленно собрал свою команду, которую пришлось, действуя от имени начальника, усилить компьютерными инженерами экстра-класса из отдела спецтехники. Собственные подчиненные полковника слыли знатоками в несколько других областях.

Все замки и охранные системы высшей защиты, охранявшие квартиру Росточкина на Сре-тенском бульваре, вскрыли и отключили изнутри, проникнув через крышу и балкон, чтобы не создавать ажиотажа и не привлекать внимания соседей по лестничной площадке. Балкон-ная дверь, само собой, тоже была укреплена достаточно, чтобы стать непреодолимым препят-ствием для квартирных воров, но специализированная государственная структура располагает другими возможностями и работает на ином уровне.

– Что ж, уютное гнездышко, – отметил Анатолий, обойдя квартиру, мгновенно зафиксировав наметанным взглядом все, что может представлять интерес. Задача-то ему поставлена конкретная, но бог его знает, на чем Суздалев вздумает подловить его в следующий раз?

Стены просторной гостиной увешаны многими десятками фотографий – голографиче-ских, цветных стереобъемных и даже черно-белых плоских, стилизованных под двадцатый век. На большинстве из них красовался сам Росточкин. В пейзажах чужих планет, на фронтах мно-гочисленных земных войн, где ему довелось побывать, просто в разных достопримечательных местах. Чувствовалось, что этот парень относился к себе хорошо, был фотогеничен, умел пози-ровать, и собственные многочисленные изображения его отнюдь не раздражали. Контрразвед-чик не видел в этом ничего нарциссического. Журналист явно жил полной жизнью и хотел, чтобы память о пережитом всегда была перед глазами.

Будь он одноглазым кривобоком карликом – тогда, конечно, не стоило бы ежедневно любоваться, а так – отчего и нет? Меньшую часть коллекции занимали изображения девушек, скорее всего, тех, над кем он одерживал победы или просто встречался в обстоятельствах, заслуживающих запечатления. Все они были очень недурны собой, но центральная роль отво-дилась одной – его последней подруге Алле Одинцовой-Варашди, с которой он и исчез бес-следно и которая интересовала службу Суздалева едва ли не больше, чем сам Росточкин.

В кабинете полки забиты книгами на нескольких языках, библиотека богатая, но бессис-темная: ни алфавитный, ни тематический принцип расстановки не выдержан. Рабочая биб-лиотека журналиста, который не знает, что ему потребуется в следующий раз, достает книгу, когда нужна, и ставит куда придется. Но обычно такие люди, как «репортер», обладают вели-колепной памятью, обходятся без каталогов.

Еще у Росточкина имелась неплохая коллекция холодного оружия разных времен и наро-дов и множество сувениров, какие люди привозят из дальних странствий. Ценных только для их владельца. Вот, пожалуй, и все в доме, что характеризовало личность «поднадзорного». Остальные предметы были вполне стандартными, приобретены исключительно для удобства жизни, а не из каких-либо других соображений.

Пока Арнаутов производил первичный осмотр, инженеры – то восхищенно, то удивленно присвистывая, обмениваясь понятными только им терминами – вплотную занялись компью-терным терминалом. Удивительно, но и здесь прижилось иностранное название, хотя Россия в создании электронно-вычислительной техники от западных стран никогда не отставала. Про-сто, наверное, слово удачное подвернулось. Отечественные аналоги как-то не прижились, в отличие от самолета, вертолета, пулемета и так далее. «Вычислитель» – не совсем про то, ЭВМ – тоже, поскольку функция именно «вычисления» здесь не самая главная. Были попытки

использовать «электронный мозг» – длинно и нарочито. Так и остался – «компьютер», приобретя, впрочем, как и другие иноязычные термины, несколько другой смысловой оттенок.

– Что-то интересное нашли? – осведомился полковник, подходя. Сам он в этих делах не разбирался, умел только кнопки нажимать на пульте аппарата, включенного в общую сеть, в пределах познаний, полученных на месячных курсах. А что там внутри, как и почему работает – никогда не интересовался.

– Да уж, Анатолий Степанович, – оторвал глаза от вскрытого ящика процессора старший инженерной группы, низкорослый мужчина лет под пятьдесят, чем-то похожий на скульптурный портрет Сократа. – Интересный у вас клиент. Мало того, что такие модели никогда в открытую продажу не поступали, их и у нас в управлении нет. По причине запредельной избыточности характеристик. Не всякий звездолет таким оснащен. Все операционные блоки – на крюгерите!

Это было сказано таким тоном, как если бы обнаружилось, что унитаз у Росточкина золотой, инкрустированный бриллиантами.

– Сей факт пусть вас не смущает, – небрежно успокоил специалиста Арнаутов. А в памяти сделал пометку: узнать, что за зверь «крюгерит» и с чем его едят. Спрашивать прямо сейчас было ему как бы невместно. – Владелец имеет непосредственное отношение к Космофлоту. Мог там разжиться?

– Космофлотовских порядков я не знаю. Может, там и принято делать такие подарки, при разборке списанных кораблей, например, но это вопрос не моей компетенции. Интереснее другое. Тут установлен крюгеритовый *псевдомозг* последней модификации с быстродействием за триллион операций в секунду, причем на базе всех известных логик одновременно. Насколько мы успели догадаться...

– Мне это ничего не говорит, – пожал плечами Анатолий. – А на моем рабочем сколько?

– На вашем? – Инженер хмыкнул. – Миллион от силы, да и того вы никогда не использовали. А здесь, как следует из курса школьной математики, – на шесть порядков быстрее. Вашему компьютеру до этого – как нам до Марса пешком. В буквальном смысле.

– Впечатляет.

– Но это еще не все. Мы обнаружили несколько блоков, назначение которых пока вообще не понятно.

– Неземного происхождения, что ли? – поднял бровь полковник.

– Вполне земного. Тут сомнений нет. Просто – неизвестно, зачем их сюда вставили.

– Вам – и неизвестно? – Анатолий искренне удивился. Ему казалось, что люди, специально на то обученные, должны понимать все в рамках своей профессии. Ну, если не абсолютно все, то достаточно, чтобы сориентироваться, что к чему. А то выходит, как если бы врач, вскрыв живот пациента, заявил, что не может сообразить, для чего здесь что-то красное, большое в правом подреберье.

– Не наша компетенция, мы эксплуатационники, а не конструкторы. Дайте нам эту машинку на неделю – разберемся.

– Рад бы, да не могу. Машина должна оставаться здесь, причем в полностью рабочем состоянии и без всяких следов вмешательства.

Инженер развел руками:

– Тогда вы зря нас пригласили. Включить незнакомые устройства, начать их тестировать на разных режимах и надеяться, что следов вмешательства не останется... Простите, но это почти то же самое, что к впервые увиденной mine с молотком и зубилом подступаться. Обращайтесь на другой уровень.

– Стоп-стоп! – Полковник ощутил, что в голове у него что-то забрезжило. – Другой уровень, другой уровень... Интересно. А в нормальном режиме вы хоть сможете на ней работать?

– И в нормальном, и чуть выше. Только уж очень много директорий заблокировано неизвестными паролями, и база данных недоступна.

– Черт с ней, с базой. Ну-ка, выведите меня на информцентр управления.

– Сейчас сделаем...

Арнаутов связался с сотрудником, отвечавшим за архивные материалы всех находящихся в производстве дел.

– Степень срочности – первая. За полчаса поднять мне информацию на всех, абсолютно всех специалистов компьютерного дела, с которыми каким-то образом мог пересекаться Ростокин Игорь Викторович и Одинцова-Варащди Алла. Отчество сам найдешь. С самого детства проверить. Школа, институт, Космофлот, командировки, служебные задания, любовницы и любовники. Все! Частым гребнем, по всем источникам...

На три минуты раньше назначенного времени на мониторе ростокинского компьютера появился не очень длинный список фамилий с краткими установочными данными.

– Распечатайте, – приказал полковник. С экрана он читать не любил. Пробежал глазами по листу, молча сунул его инженеру.

– Что скажете?

Тот вначале смотрел на список без особого интереса, потом хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ну, Анатолий Степанович, что вы от нас хотите? Вот вам и *другой* уровень...

– Действительно серьезный?

Очень хороший оперативник, не зря ставший полковником в тридцать с небольшим, и Герой России вдобавок, за разные интересные операции во всех странах и *вольных агломерациях*,¹³ входивших в сферу интересов Суздалева, Анатолий никогда не затруднял себя лишними знаниями. Не мое – значит, не мое. Для каждого дела есть свой человек, и для каждого человека – свое дело.

При этом он подчеркнул ногтем на листе заинтересовавшее его имя. Тоже ведь кое-что соображаем. Газеты изредка просматриваем.

– Вы именно этого человека имеете в виду?

– Да конечно же, Анатолий Степанович. Если б мы сразу... Директор академического института Пределов знания, нобелевский лауреат, получивший премию в тридцать лет, ровно через год после опубликования своего исторического труда! Что почти беспрецедентно. И он же личный друг и одноклассник вашего фигуранта! Да вы бы меня не смогли удивить сильнее, если б сказали, что к Эйнштейну имеете служебный интерес.

– Про Эйнштейна я тоже не слишком много знаю. А вот про господина Скуратова Виктора Викторовича что можете сказать?

– Господин полковник, – перешел на официальный тон старший инженер, – об этом человеке я ничего не могу сказать, слишком далеко мы друг от друга отстоим интеллектуально и служебно. Я Бауманку окончил, но то, что подобные Скуратову люди пишут, понимаю через три фразы на четвертую. И не уверен, что правильно.

– А хотите, я сейчас сюда этого господина Скуратова приглашу, и он вам объяснит то, чего вы понять не в силах? – Анатолий не блефовал, он был уверен, что получит от Суздалева необходимую санкцию, а также и поддержку, очень правильно он уловил настрой командира.

– Тогда я вообще перестану понимать, как этот мир устроен, – ответил инженер и, не стесняясь всемогущего полковника, нервно закурил. Что категорически запрещалось на секретно обследуемых объектах. Анатолий только махнул рукой и сам достал сигареты. – Вы –

¹³ *Агломерация* – в данном случае независимые города-государства, образовавшиеся при слиянии некоторых мегаполисов с пригородами. Например, Шанхай, Сингапур, Джакарта, Мехико, Бомбей и др.

и нобелевского лауреата на *происшествие* вытащите? Как свидетеля или как понятого? – В голосе инженера прозвучала плохо скрытая ирония.

– Да свободно! Нужно будет – хоть подозреваемым. – Полковник пришел в то состояние и настроение, когда море действительно по колено. – Кстати, «подозреваемый» – это не лишено! Совсем не лишено...

Задание начальника он практически выполнил, то есть выяснил, что это за аппаратура и откуда она взялась (точнее – могла взяться). Так и доложим, а какое Суздалев после этого примет решение – не нашего ума дело.

Анатолий вышел в другую комнату и позвонил по прямому номеру. Георгий Михайлович помолчал не меньше полминуты. Долго.

– Молодец, – сказал он, вздохнув. – Твоя компетенция на этом в самом деле кончается. Подключаем тяжелую артиллерию. Жди...

До следующего звонка полковник успел распорядиться, чтобы вся техника была приведена в исходное состояние.

– Так как, будем мы иметь честь лицезреть компьютерного бога? – с некоторой ядовитостью в голосе спросил инженер. Сам он в такую возможность не верил на девяносто процентов.

Переговорив с порученцем, Суздалев задумался. Разговаривать со Скуратовым придется самому, это очевидно. Он не собирался расширять круг посвященных, да и ученые такого масштаба – народ самолюбивый. Нобелевский лауреат свободно может обидеться, если к нему обратится рядовой, пусть и снабженный необходимыми полномочиями сотрудник неофициальной организации. Пошлет куда подальше, и ничего ты ему не сделаешь, а дело будет провалено, поскольку подписку о неразглашении требовать с ученого нет никаких оснований.

«Пока нет», – тут же подумал Суздалев в унисон с Арнаутовым.

Следующая возможная неприятность – Скуратова может просто не оказаться в Москве. Отбыл на какую-нибудь конференцию зарубежную – и адью! Но это уж как повезет.

Георгий Михайлович выяснил нужный номер и, еще раз вздохнув, поднял трубку многоканального телефона спецсвязи. На этот раз ему повезло. Он договорился с академиком о немедленной личной встрече и вызвал машину к подъезду.

В дверь позвонили. Встречу высоких гостей Анатолий не доверил никому, открыл двери лично.

На пороге стоял выглядевший несколько старше своих тридцати шести лет мужчина, высокий, плотный, с далеко открытым за счет лысины лбом и окладистой каштановой бородой. За его спиной – Георгий Михайлович собственной персоной и двое незнакомых Арнаутову парней, специализация которых не вызвала сомнений, хотя к *конторе* они не принадлежали.

– Проходите, господа, проходите, – радушно сказал полковник, делая шаг назад и в сторону. Жестом из-за спины Скуратова Суздалев показал, чтобы Анатолий замолчал и не путался под ногами. Что тот исполнил с явным удовольствием.

– Вот, пожалуйста, Виктор Викторович, – продолжал Суздалев ранее начатый разговор, – это все наши работники, они просто пытались выяснить, каким образом с этого устройства господин Ростокин смог войти в наши сети. Вопрос в некотором роде принципиальный. Но ничего другого они не делали. Так?

В обращении к старшему инженеру вопросе прозвучала строгость и определенный намек.

– Точно так, Георгий Михайлович, – ответил компьютерщик, глядя на Скуратова, как на явление Христа народу. – Посмотрели, увидели, что пароли нам недоступны, и больше ничего. Даже не смогли узнать, с какими еще адресами пользователь связывался.

– Смешно было бы, – хмыкнул Скуратов, снимая пальто с бобровым воротником. – Пойдемте...

Суздалев велел всем оставаться в кухне и прихожей, пропустил академика вперед и плотно затворил дверь.

– Водки, кажется, следует выпить и кофе. После этого – излагайте все, как есть на самом деле. С подробностями. – Скуратов опустился в кресло, где явно сидел далеко не в первый раз. – И учтите – каждый час моего праздного потраченного времени стоит больше, чем бюджет всей вашей... организации. Я не собираюсь требовать за свою консультацию какого-то гонорара, но если вы пригласили меня зря – я сумею сделать так, чтобы в будущем у вас таких желаний не возникало...

Он вытер большим клетчатым платком потный от пешего подъема по лестнице лоб, взял из ростокинской коробки сигару, с сомнением ее понюхал и положил обратно.

Появившись в особняке лауреата, расположенном в тихом переулке рядом с Чистыми прудами, Суздалев представился одной из своих реальных должностей, но не самой главной. Сообщил, что речь пойдет об Игоре Ростокине, несомненно хорошо Виктору Викторовичу известном.

– Еще бы неизвестном. С ним что-то случилось?

– В том смысле, который вы в эти слова вкладываете, нет. До вчерашнего дня был жив и здоров, но события вокруг него происходят более чем странные...

Георгий Михайлович ждал встречного вопроса, но собеседник молчал, внимательно рассматривая гостя.

«Компьютерные логики, – подумал Суздалев. – А чем они отличаются от человеческих? Я премий не получал и трудов не писал, а всю твою логику вижу насквозь. Хочешь, чтобы я говорил, а ты слушал, соображая, стоит ли вообще отвечать. Ну, изволь».

– Давайте так сделаем. Нам требуется ваша профессиональная помощь. Если вы заинтересованы в судьбе вашего друга, вы нам непременно поможете. Добавлю также, чтобы вы не испытывали нравственных сомнений, – сам по себе господин Ростокин ни в чем не обвиняется, дела до сих пор никакого не заводилось. Одни странности пока что, но ничего криминального. Так что я действую исключительно в рамках оперативного дознания. Вы, разумеется, можете отказаться со мной сотрудничать, и это является вашим законным правом.

Но тогда, боюсь, дело с неизбежностью заводить придется. И в этом прискорбном случае на основе Уголовно-процессуального кодекса и некоторых служебных «уложений» вам придется в качестве свидетеля под протокол ответить на несколько вопросов. В том числе – с какой целью вы передали господину Ростокину тот компьютер, что установлен у него в квартире? Какие неизвестные на современном этапе изменения в него внесены и что они собой представляют? Является ли данная аппаратура секретной, и если да – на каких именно основаниях нарушен режим?

Это я так, в первом приближении, на самом же деле вопросов может быть гораздо больше. Но самое главное – мы все потеряем драгоценное время, последствия чего могут быть... Я не специалист в вашей области, но в своей – да, поэтому скажу попросту – я вижу их катастрофическими.

– Вы сказали – до вчерашнего дня Игорь был жив и здоров. А где он сейчас? Почему мне даже не звонил с минувшего лета? Исчез, будто снова в космос улетел. Но я бы знал...

– Очевидно, у него были *обстоятельства*. Те самые, которые заставили меня к вам обратиться. Так поможете? – взял быка за рога Суздалев. – Всего и нужно, что проехать к нему на квартиру и на месте нам кое-что объяснить, подсказать. В час-другой мы, надеюсь, уложимся...

– Хорошо, поехали...

Скуратов встал, открыл известный ему бар, скрытый внутри большого средневекового глобуса, достал бутылку, две рюмки.

– Мне не надо, я на службе, – предупредил его Суздалев.

– Как хотите. Я кофе просил, – напомнил академик.

Георгий Михайлович приоткрыл дверь.

– Анатолий, сообрази кофе. Две чашки по-турецки... Или желаете капучино? – тоном радушного бармена спросил он у Скуратова.

– Пойдет по-турецки. Пусть несет весь кофейник, чувствую, разговор будет долгий и нелегкий.

Ни один из сортов сигар, имевшихся у Ростоккина, Скуратова не устроил, он достал из внутреннего кармана домашнего твидового пиджака свою, в герметичном алюминиевом пенале.

– Итак, – после тщательно соблюденной процедуры раскуривания сказал академик, – Игорь последний раз связывался со мной в конце лета. Я тогда был в Антарктиде...

– Из Москвы звонил или из Калифорнии?

Скуратов взглянул исподлобья, презрительно пыхнул дымом.

– Вы уже тогда за ним следили?

– Не следили, наоборот. Прикрывали. Он невольно попал в очень непростую ситуацию, совершил несколько ошибок, и жизни его угрожала нешуточная опасность.

– Хорошо, верю. Из Калифорнии. Мне он тоже, не вдаваясь в подробности, сказал, что положение сложное, но надеется выкарабкаться. И еще он хотел знать, когда я буду в Москве...

– И с тех пор – все?

– Все.

– Искать не пробовали?

– Пробовал. Безрезультатно.

– А чего же куда следует не обратились? Пропал, мол, человек и так далее. Друг любимый все-таки.

– По причине очевидной бесполезности. Я давно знаю, что Игорь не только журналист, он связан со службой безопасности Космофлота. Эрго – в случае чего они сами способны его отыскать, и лучше, чем обычная полиция. Если б нашли живым – он бы со мной немедленно связался. Нет – сведения так или иначе просочились бы. Из чего я сделал вывод, что он, скорее всего, продолжает выполнять очередное задание. В любом случае я ничем помочь ему не мог. К тому же, как я догадался, ваше ведомство с якобы неограниченными возможностями тоже ничего не добилося. Следовательно, с точки зрения логики моя позиция безупречна.

Скуратов не стал докладывать генералу, что именно сказал ему Игорь, и о переданном Ростоккиным по внепространственной связи кристалле с очень важной, по словам Игоря, информацией.¹⁴ Раскодировать его он не стал, хотя поначалу и пообещал немедленно сделать это. Вмешались определенные личные соображения. Решил, что посмотрят вместе, когда Игорь вернется. Убрал в сейф, где он так до сих пор и лежит. Вот если друг через три года не объявится, тогда, согласно закону, можно будет взглянуть, что там за грандиозное открытие зашифровано. Интересы к другим наукам, кроме собственной, Виктор не испытывал. К биологии в том числе. Тем более друг – известный фантазер, натура увлекающаяся. Сегодня одним, завтра другим...

Суздалеву позиция академика показалась странной. Наверняка что-то недоговаривает.

– В какой-то мере вы правы. Только все обстоит гораздо увлекательнее, чем банальные игры разведок и контрразведок...

¹⁴ См. роман «Андреевское братство».

Анатолий принес кофе, разлил по чашкам. Взглядом спросил, не нужен ли еще зачем, и тихо удалился.

Скуратов неторопливо, как ликер, выцедил водку, запил глотком кофе.

За это время Суздалев решил, что вряд ли стоит ограничиваться лишь консультацией по поводу компьютера. Следует раскрыть все карты и привлечь академика к работе по полной программе. Раз уж решили мобилизовать все силы на борьбу с неведомым. Да и фактор личной заинтересованности должен сыграть свою роль, ему ведь будет предложена задача, о которой до сих пор в научном мире ни одна душа понятия не имеет. По крайней мере, не рассматривает идею сопряжения параллельных миров как проблему сегодняшнего дня.

Георгий Михайлович усмехнулся про себя: специалист такого класса на службе управления – это круто! Маркина в данном случае он легко обходит на повороте. И тут же себя одернул. Чертова привычка мыслить категориями соперничества. Они же договорились с адмиралом о честном сотрудничестве. А насчет этого академика... Судя по его внешности и манерам, скорее он заставит обе конторы работать на удовлетворение своего любопытства.

Приняв окончательное решение, Суздалев коротко, почти языком военного рапорта, изложил события последнего полугода, связанные с персоной Ростоккина. Не задерживаясь на сути загадочного «Фактора Т», основное внимание уделил своему общению с посланцами параллельного мира, их таинственным появлениям и исчезновениям, обрисовал, со слов Новикова, идею «химеры», ее возможного *схлопывания*, а также и Ловушек Сознания. Упомянул о «селигерском инциденте» и последнем визите Ростоккина и Шульгина.

Скуратов весьма удивил генерала своей способностью слушать, людям его круга и образа мыслей не слишком свойственной. Не перебивать в самых интересных местах, не задавать промежуточных вопросов – деловых и риторических. То есть он желал получить информацию в том виде, как ее воспринял непосредственный наблюдатель. А трактовкой и препарированием имеющихся сведений можно будет заняться на следующем этапе, предварительно сформулировав *гипотезу исследования*.

– Таким образом, Виктор Викторович, непосредственным поводом для обращения к вам послужил вроде бы малозначительный факт – наличие в распоряжении *фигурантов дела* аппаратуры, поставившей в тупик наших специалистов. Очень неплохих, смею заметить. Со своей работой они справлялись вполне. На уровне задач, имевшихся до последнего времени, вопросов к ним не возникало. Но то, что они не смогли выяснить простейший, на мой непросвещенный взгляд, вопрос – каким образом были взломаны самые совершенные из существующих защитных систем, проходящие по разряду «строго секретных» и «особой важности», – заставило меня лично заняться этим делом. Хотя оно, в принципе, слишком мелко на фоне вопросов, которые я поставлен решать... Я имею в виду именно «компьютерную составляющую». Раньше мне просто не приходило в голову...

– Достаточно, – поднял руку ладонью вперед Скуратов. – Значит, ваши инженеры не смогли отследить машину, с которой ломали защиту. А вы, к компьютерам никакого отношения не имеющий, все же установили ее местонахождение?

– Так это же совершенно разные вещи! И методики. Что тут думать-то? Я просто знал, в отличие от моих сотрудников. На связь выходил Ростоккин, единственное место его постоянного проживания – вот оно. Сели, приехали и все увидели. Вот если бы он работал с любого другого адреса, получился бы удар в пустоту. И вы бы сейчас занимались своими предпринимательскими хлопотами или научными размышлениями...

– А вы? – с долей любопытства спросил Скуратов.

– Прорабатывал бы другие версии. Божьи мельницы мелют медленно, но верно. Иногда случается, что жернова ускоряют ход. Что мы и наблюдаем в данный момент.

– Понятно-понятно... – Академик стряхнул белоснежный столбик пепла с сигары, докуренной на две трети. Он отчего-то совершенно не хотел говорить на тему параллельных миров и отношения к ним Ростоккина. Принял к сведению, и все.

– Хочу вас предупредить, – заметил Суздалев, разворачивая кресло, – все, что вы сможете найти, автоматически является секретным. То есть вся информация, начиная со дня возвращения Ростоккина в Москву из последней экспедиции и по текущий момент. И вы ее обязуетесь предоставить мне, также на основе строгой конфиденциальности. О вашей причастности к делу будем знать только я и вы.

– Разумеется и безусловно. При всей моей *отдаленности* от людей вашей профессии, вы мне внушаете странное доверие. Что касается фактографии... Мои по этому поводу рассуждения и мысли засекречиванию, увы, не поддаются. Кроме того, если я захочу, могу, например, стереть всю содержащуюся в памяти машины информацию, предварительно перекачав ее на другой компьютер. И вы никогда и никаким способом не сможете доказать, что она здесь когда-нибудь была. Я понятно выразился?

– Вполне. Что же касается неприязни, которая сквозит в вашем тоне, она, мне кажется, свидетельствует о вашей недостаточной информированности. Или – глубоко скрытом детском комплексе. Ни к одной из служб, чем-то когда-то вас травмировавших, я не имею никакого отношения.

– Как вы можете судить о том, чего не знаете? – равнодушно спросил Скуратов. Именно – равнодушно, ни малейшего намека на эмоции с любым знаком.

– О чем не могу – судить не берусь, но сейчас говорю с полным на то основанием. При случае мы сможем обсудить эту тему отдельно.

– Как получится... Но сейчас я сделаю то, о чем вы просите. Считайте это моим капризом. Ну, давайте наконец посмотрим, что тут у нас с компьютером, – предложил он, пересел к терминалу и включил питание. Экран монитора засветился, и академик с почти недоступной для человеческого взгляда быстротой забегал пальцами по основной и двум дополнительным (как у органа) клавиатурам. Следить за его действиями было бессмысленно, а главное – утомительно. Георгий Михайлович вышел в кухню, где за пустым чаем скучала его и не его оперативная группа.

– Ты, Анатолий, останься пока, и вы тоже, – обратился он к старшему инженеру. – Остальные свободны.

Руководитель охраны Скуратова подскочил. Думал, что здесь он что-нибудь значит. И право на какое-то слово имеет. В окружении очень милых людей, едва на капитанские чины тянущих. Возможно, и значил на своих уровнях. Обижать его никто не собирался.

– Как, получился разговор? – спросил Суздалева полковник, когда они вышли на балкон. Внизу расстилалась заснеженная Москва, всюю готовящаяся к очередному празднику. В парке, окружающем «Славянскую беседу», одетые в красные рубахи и русские сапоги служители украшали живые елки, складывали дрова для новогодних костров перед теремами.

В воздухе почти на уровне глаз кружили стаи черных галок. Сквозь кисею медленного снегопада просверкивали золотом купола церквей. По бульвару вереницей скользили сани, запряженные парами и тройками лошадей. На всю праздничную неделю градоначальник запретил въезд в пределы Бульварного кольца механического транспорта. За исключением трамваев, которые продолжали бегать по своим рельсам, никак не портя облик исторического центра. Только прижавшиеся внизу к тротуару машины Суздалева слегка выбивались из общей патриархальной картины. Но на эту серию номеров, ничем вроде бы от остальных не отличающуюся, власть градоначальника не распространялась.

– Разговор? Нормально. Когда ты отучишься, Анатолий, задавать необязательные вопросы?

– Так Георгий же Михалыч! – почти с отчаянием возопил полковник, не повышая, впрочем, голоса. – Строевик я по образованию и натуре. Не учили меня с детства и до сих пор не научили вашей психологии. Что думаю, то и говорю. Вы меня лучше в войска отчислите. Там куда проще.

– Кому проще? Тебе, само собой, проще будет. Сделаю я тебя завтра командиром дивизии – вот там и развернешься. Круглые сутки сможешь говорить что думаешь, а поручики и капитаны будут тебе в рот смотреть и каблуками шелкать. И ни один ротный к тебе не подойдет, чтобы накоротке мнениями обменяться или узнать, а что там в штабе корпуса новенького слышно...

– Прошу прощения, – через силу ответил Анатолий. Он сообразил, что начальник очень, очень не в духе. Общение с академиком далось ему труднее, чем предполагалось. Вот только по какой именно причине?

– Да о чем ты? Всегда пожалуйста. Я же не о себе, я о тебе забочусь. Мастер-класс проведу, как деятели искусств любят выражаться. Помнишь Марка Твена? Где-то он написал: «Когда мне было восемнадцать лет, мой отец был дурак дураком. После тридцати я заметил, что старик здорово поумнел».

Смеяться Анатолию не захотелось. Достаточно его сегодня повоспитывали, хотя, если внимательно разобраться, день выдался на редкость удачный. По прошествии времени мелкие неприятности забудутся, а вот от факта, что это именно он разыскал Скуратова и весьма приблизился к разгадке давно зависшего дела «репортера», – никуда не денешься. И Георгий Михайлович такие вещи помнит.

Скуратов, естественно, знал эту лично им переконструированную и модернизированную машину досконально. Несколько лет назад пришла ему в голову такая фантазия – сделать Игорю хороший подарок ко дню рождения. Тот уже успел достаточно прославиться на ниве авантюрной журналистики, земной и космической. А что для журналиста главное? Сбор и обработка информации. Желательно – эксклюзивной, то есть оригинальной и для большинства населения малодоступной. Где ее можно раздобыть? Да где угодно, если знаешь, что именно искать. А для грамотного поиска, кроме собственных мозгов, нужен вспомогательный инструмент. У Виктора таковой как раз имелся. В его институте недавно собрали четыре экспериментальных компьютера, с совершенно оригинальной, доселе не применявшейся архитектурой. Обкатали их, посмотрели, что хорошо, что плохо, и занялись следующим поколением, совмещающим в себе достоинства предыдущих вариантов. Прототипы же, как это часто бывает, оставили в лабораториях для всяких вспомогательных нужд и специфических развлечений. Гороскопы, к примеру, немислимой точности для друзей и подруг составлять, с ежедневными рекомендациями и прогнозами на всю предстоящую жизнь, или новые игры, вроде многомерных шахмат, придумывать.

Нигде эти модели не были оприходованы и ни за кем конкретно не числились. Вот Скуратов и занялся. Лично кое-что убрал, кое-что добавил, исходя из грядущего предназначения аппарата, приказал ребятам из демонстрационного отдела изготовить приличного дизайнера корпус, написал инструкцию для пользователя и в нужный день торжественно вручил.

Познакомившись с возможностями компьютера (сотой их частью, если быть точным), Ростокин был вне себя от счастья.

О том, что он какие-то государственные правила и установления нарушает, передавая постороннему, так сказать, человеку секретную (с общепринятой точки зрения) технику, потенциально куда более опасную, чем колба с новым штаммом смертоносного вируса или ящик экспериментальной взрывчатки с не до конца изученными свойствами, Виктор не задумывался. Такой у него был склад ума, благодаря которому он и заработал Нобелевскую пре-

мию: полное пренебрежение любыми «авторитетными мнениями», предрассудками и так называемым «здравым смыслом». И это распространялось не только на фундаментальные науки.

Плюс имели место дружеские чувства, связывавшие его с Ростокиным с детских лет. Скуратов просто в голову прийти не могло, что Игорь распорядится подарком каким-то *неподобающим* образом.

Так оно на самом деле и было, вплоть до сегодняшнего дня.

И совершенно неизвестно, согласился бы Скуратов помогать этому разведчику, или контрразведчику, черт их всех разберет, старавшемуся выглядеть деликатным и образованным, если бы не услышанное от него утверждение о наличии параллельных миров. Не гипотетических, вроде домыслов Эверетта и его последователей, а вполне материальных, в которые можно уходить и возвращаться, словно в соседнюю комнату, да вдобавок свободно перемещать туда и оттуда артефакты гарантированно нездешнего происхождения.

В том, что Георгий Михайлович говорит правду, академик не сомневался. Истину ото лжи логику его уровня отличить не сложнее, чем свет от тьмы. И для того, чтобы лично познакомиться с *соседями* по разуму, помощь этого генерала наверняка потребуется. Банально выражаясь, они теперь в одной лодке, и понапрасну портить отношения не стоит.

Виктор Викторович действительно предпринимал попытки разыскать друга, используя единственно разумную и эффективную схему поиска, по оставляемым человеком электронным следам. Если человек жив и не заперт в одиночную камеру, наглухо отрезанную от мира, он с этим миром волей-неволей взаимодействует. Ему начисляется жалование по основному месту работы, он получает и отправляет какие-то сообщения, пользуется транспортом и так далее. Скуратов проник в самую глубину сети, вне которой современный человек существовать просто не может.

Безрезультатно. После Сан-Франциско ниточка оборвалась. На самом деле бесследно. Больше нигде Ростокин и его подруга с *этим* миром не соприкасались. И ничего тут удивительного, если из Америки они сразу же удалились в другой.

Выставленные Игорем пароли и блоки Скуратов обошел, не задумываясь. Имелась для того специальная опция, встроенная так, на всякий случай. На такой, например, как этот. Затем включил еще одну подпрограмму, тоже собственноручно разработанную. Компьютер даже в «спящем режиме» продолжал трудиться, перерабатывая, рекомбинируя, соответствующим образом *осмысливая* задачи, которые ему приходилось решать по командам пользователя, привлекая, в случае необходимости, дополнительные данные, которые самостоятельно добывал во время сеансов. Не зря же он был настроен на использование всех известных человечеству (на момент его создания) логик, умел решать, «по заказу пользователя», любые апории и антиномии,¹⁵ приводя ответы в соответствие со способом своего мышления.

Виктор собирался научить Ростокина пользоваться этой способностью компьютера, что наверняка придало бы его творениям особый, никому больше из коллег-журналистов недоступный, *шарм*. Да как-то сразу не успел, а потом вообще забыл, увлеченный другими идеями.

Слишком далеко в прошлое Виктор погружаться не стал. До последней звездной экспедиции Ростокина они встречались достаточно регулярно, и ничего там необычного не было. Все началось после возвращения Игоря в Москву. Вот он появился дома, включил машину. Вот ввел задание на поиск Аллы по всем следам, которые она могла оставить в пределах цивилизованной части планеты, там, где вообще имеются хоть какие-то электронные устройства, связанные с мировой информационной сетью.

¹⁵ *Апория* – логическое затруднение, непреодолимое противоречие при разрешении проблемы. *Антиномия* – противоречие между положениями, каждое из которых по отдельности логически доказуемо.

Значит, нужно понимать так – она его не встретила и на обычные вызовы не отвечала. Друг, естественно, запаниковал. Бесследное исчезновение человека в нынешней Москве – вещь достаточно редкая. Если только она не решила бросить Игоря и сбежать с любовником на край света. По поддельным документам. В пользу этого предположения или чего-то подобного говорило то, что последние фиксированные данные на Аллу Одинцову относились к дате, на две недели предшествовавшей прилету Ростоккина. Тогда она взяла у себя в институте очередной отпуск, положенным образом зафиксированный в отделе кадров, и получила чек на вполне приличную сумму. После чего – *силенциум!*¹⁶ Она не пользовалась банкоматами, компьютерами, сетевыми коммуникаторами, не приобретала билетов на любые транспортные средства, что, конечно, было достаточно странно. Игорь задал компьютеру еще несколько команд, касающихся чисто практических вопросов, после чего отключился.

Затем в течение недели он еще два раза засветился, снимая деньги с банкомата в Москве и оформляясь в отеле «Вайкики» на Гавайях, и последний – при передаче кристалла по внепространственной связи. После чего – исчез. И вот вчера объявился. Активизировал компьютер и сразу же начал ломиться на сверхзащищенные линии СБКФ. Пробился, что делает ему честь, зря времени не терял. Виктор заметил, что кое-какие элементы команд, использованных Росткиным, отличаются от тех, что сам он ставил на машину. И при этом они оказались полностью совместимы с основным программным массивом. Очевидно, что Игоря учил кто-то еще, не уступающий самому Скуратову в подготовке. А возможно, и превосходящий, судя по изяществу решений. Одного этого было достаточно, чтобы поверить во все остальное, изложенное Суздалевым.

Сохраненная в долговременной памяти запись разговора с начальником службы безопасности Космофлота окончательно развеяла сомнения, если бы они еще оставались. Вел переговоры не Игорь, другой человек. Манера разговора, построение фраз, интонации, *психологический рисунок* диалога – все это не оставляло сомнений, что он *не отсюда*. Большинство людей этого бы просто не заметили, но специалисту-то очевидно.

Нормальная, может быть, слегка непривычно стилистически окрашенная русская речь, и не более того. Так иные граждане и господа с высоких трибун и экранов дальновизоров сплошь и рядом несут такое, что и к забору не прислонишь. И это даже не касаясь содержания, где все было сказано простыми и прямыми словами, с позиции человека, для которого все здешние власти, обычаи и нормы субординации – ничто. Ни малейшего намека на грубость, диктат, пренебрежение, не то что при переговорах европейцев с туземными царьками, а просто – абсолютное сознание своей силы и *отстраненности*. В том смысле, что я могу и хочу вам помочь, но право выбора оставляю за вами. Я уйду, а вы останетесь наедине со своими проблемами.

Таким примерно образом расшифровал Скуратов скрытый смысл поведения человека, назвавшего себя Шульгиным. И ему нестерпимо захотелось с ним встретиться. Если уж Игорь сумел стать ему если не другом, то почти равноправным партнером, сколько же интересного сумеет извлечь из общения с таким и подобными ему людьми он сам!

А компьютер продолжал воспроизводить запись вчерашней ночи.

Пока что ничего интересного, и вдруг!

Всеми доступными ему средствами компьютер засигналил, что произошло нечто экстраординарное, выходящее за все предписанные рамки и нормы и в то же время остававшееся внутри сферы технически и логически допустимого. Как будто сам его крюгеритовый псевдомозг попал в капкан антиномии, решить которую не может, несмотря на то что для этого и создан.

В машину была введена команда, которую она не знала и знать не могла, выходящая за пределы познаний самого Скуратова, и все же она ее приняла!

¹⁶ *Силенциум* – тишина, молчание (лат.).

На этом следовало остановиться и немного поразмыслить.

Вот она, на экране, двадцатизначная формула. Совершенно ничего не говорящая академику, хотя он до сих пор был непоколебимо уверен, что знает о языках программирования, даже самых экзотических, абсолютно все. На всякий случай переписал сочетание цифр и знаков в блокнот – это надежней, чем доверять ценные сведения электронной записной книжке. На досуге можно попытаться поработать с этой командой. Кажется, нечто вроде формулы нейро-лингвистического программирования, предназначенной не для человека.

Но сейчас-то что делать? Встать и уйти, пообещав Суздалеву сообщить результат, если он вообще будет, когда-нибудь позже?

А как быть с неутолимym научным любопытством, прямо-таки распиравшим его изнутри?

После введения этой формулы машина не зафиксировала больше ничего. Почти ничего. Виктору удалось очередным обходным маневром узнать, что в течение полутора секунд произошло соединение с «неустановленным сетевым узлом», и связь продолжалась один час сорок три минуты двенадцать секунд. После чего прервалась по команде «Выход», введенной пользователем. При этом получалось так, что за полтора с лишним часа ни единого байта информации по установленному каналу прокачано не было. Ни в ту, ни в другую сторону. А это уже ни в какие ворота... Интеллектуальная и техническая мощь *тех людей* просто непредставима.

Еще через двадцать минут, уже по стандартной команде, отсюда были переданы два письма на известные адреса: космофлотовский и другой, безусловно принадлежащий Суздалеву.

Самое простое – повторить то, что проделал вчера Ростокин или его напарник, что вероятнее. Ничего страшного, очевидно, не произошло, если после этого они оставались здесь и писали прощальные письма. А только потом исчезли. Куда и как – тоже вопрос интересный. Могли самым простым образом – через входную дверь. А могли и не простым.

Поколебавшись, закулив вторую сигару, Скуратов все же набрал на клавиатуре таинственную команду. Включив на всякий случай функцию «кнопка мертвого человека». Если с ним что-нибудь случится или просто сеанс пойдет *не так*, палец он успеет убрать, или тот сам соскользнет, машина тут же отключится, все установки вернуться «на ноль»...

Глава 3

Как и прошлый раз, машина команду приняла. Только реакция на нее была другая. Дело в том, что, когда за терминалом сидел Шульгин, он уже находился в прямой, но латентной связи с локальным узлом Гиперсети, сохранившимся *в поле досягаемости* после «отключения» от остальных. Более того, Сашка сам являлся как бы элементом ее структуры, одним из бесчисленных атомов (нейронов, кубиков, кусочков мозаики), из которых она состояла. И в то же время – внешним по отношению к ней, Сети, эффектором.

Как писал когда-то Энгельс: человеческий разум – это высшее творение природы, с помощью которого она познает самое себя. Точно так же и безусловно материальный по отношению к окружающему миру (с точки зрения *включенного наблюдателя*) Сашка одновременно был симулякром, копией не живого человека, а *идеи* человека-Шульгина, предварительно уже воплощенной в эфирном теле. Оттого его нематериальная сущность посредством уникальных возможностей компьютера легко и просто, как обычный информационный пакет, переместилась по адресу, зашифрованному в формуле. Независимо от пространственно-временной топографической точки, в которой находилась машина, и от ее конструкции. Она при включении тоже как бы перестала быть *материальной* в общеупотребительном смысле.

Скуратов же был обыкновенным человеком, во плоти и крови, и, естественно, в этом качестве попасть в Гиперсеть без дополнительных манипуляций с его сознанием не мог. Но раз команда все-таки прошла, узел сети, который она активировала, отреагировал одним из бесчисленного количества вариантов образом. Он опознал сигнал, идентифицировал по широкому спектру *свойств и смыслов* и отразил (переадресовал) его в ту точку подконтрольного континуума, где и находился источник подобного рода *конструктов*.

Вместо грандиозной, едва доступной человеческому восприятию картины узла Гиперсети Скуратов увидел совсем другое. На экране после вихря разноцветных бликов и пятен, белых звездчатых искр и туманных полос вдруг сформировалась отчетливая, яркая картинка. Будто застывший кадр стереофильма.

Виктор сообразил, что сейчас смотрит как бы изнутри другого монитора, установленного в просторном, оформленном в стиле начала прошлого века помещении. Видна только часть зала или большого кабинета, та, к которой обращен экран. Угол письменного стола, кожаное кресло с высокой спинкой и пухлыми, дугой изогнутыми подлокотниками. Высокие резные потолки сложной конструкции, со свисающими в продуманном беспорядке деревянными stalactитами, снизу, как каплями воды, завершающимися матовыми светильниками. Стены орехового на вид дерева, тоже покрытые глубокой резьбой орнаментального рисунка. Часть высокого застекленного книжного шкафа.

Скуратов пожалел, что слишком острый угол зрения не позволяет прочесть, что там написано на корешках, и даже разобрать, какой используется алфавит.

В остальном же он не очень удивился: был достаточно подготовлен и сегодняшними событиями, и вообще. По всему выходило, что это как раз то место, с которым вчера уже устанавливалась связь. И где-то там находится человек или люди, с которыми Ростокин и его спутник контактировали почти два часа. Разговор, следовательно, был серьезный. Может быть, даже судьбоносный. Только для кого? Говорили долго, значит, не собирались немедленно встретиться. Из чего с неизбежностью вытекает – переместились странники по времени не туда, а в какое-то другое место, с этим, возможно, никак, кроме как через компьютер Игоря, не связанное.

Можно вообразить – в мир, технически гораздо менее развитый.

Академика, впрочем, сейчас волновало совсем не то, куда именно направил свои стопы Ростокин. Сам знает, куда ему идти и когда возвращаться. Гораздо заманчивее казалась воз-

возможность встретиться лицом к лицу с представителем параллельного времени. Встретиться и, чем черт не шутит, наладить полноценный, взаимопользовательный научный обмен. Поверх всех и всяческих посредников. А почему бы и нет? Если, конечно, «по ту сторону» он увидит коллегу-ученого или просто достаточно образованного человека, а не функционера служб, подобных тем, в которых работает Суздаев.

«Ну, так что ж, тогда, значит, повезет ему, а не мне, – подумал Скуратов. – А мне – чуть позже, надеюсь».

Слегка беспокоило, что к компьютеру с той стороны в ближайшее время может вообще никто не подойти. Терминал включился автоматом, а хозяева об этом не знают, пребывают далеко от рабочего места. Но интуиция подсказывала, что так быть не может. Кто-то непременно отреагирует на установленную межреальностную связь. Слишком важное это дело, чтобы оставлять его без контроля...

Дверь кабинета приоткрылась, в нее заглянул Суздаев. Как мол, у вас тут дела?

Виктор сделал крайне озабоченное лицо.

– Подождите минут десять-пятнадцать, если можете. У меня, кажется, начало получаться. Не отвлекайте.

Генерал понимающе кивнул и удалился.

Чтобы не терять времени зря, Виктор попытался, не выходя из контакта с неизвестным объектом, определить его параметры. Обычно это удавалось без труда, но вспомогательные программы установить адрес или какие-то другие характеристики чужого компьютера были не в состоянии. Его для них как бы не существовало вообще. Контакт поддерживался, но снова без обмена информацией. Объяснить это можно было только одним, понятным Скуратову образом: та сеть, в которую он включился, полностью взяла обеспечение канала на себя. Этакая «сфера Шварцшильда», в которую любой сигнал проходит, но назад не возвращается. Но раз он сейчас видит чужой кабинет, значит, хотя бы фотоны оттуда сюда доходят, воздействуют нужным образом на рецепторы? На них воздействуют, а на криволинейный мозг компьютера – нет?

Как это может происходить практически, академик не понимал. Успокаивало лишь то, что он не понимает в этом мире слишком многого и помимо поведения отдельно взятого компьютера. Например – откуда вообще взялась Вселенная и что было на ее месте до «Большого взрыва». Теория утверждает, что ничего, но ведь что-то должно было существовать, чтобы взорваться? Хотя бы килограмм динамита. Завернутого в парафиновую бумагу и снабженного этикеткой производителя и инструкцией по технике безопасности.

Пользователь на той стороне «эфирного провода» решил не заставлять вызывающую сторону мучиться в сомнениях и появился раньше, чем Скуратов, взбодрившись очередной рюмкой и чашкой кофе, сделал первую затяжку третьей по счету сигарой. Этим он превысил свой дневной лимит, но ведь и ситуация была экстраординарная.

Сначала на стене чужого кабинета мелькнула тень. Виктор напрягся. Потом из-за пределов поля обзора протянулась рука, явно человеческая, поворачивающая спинку кресла, а вслед за ней появился и сам ее обладатель. Мужчина слегка за сорок, в хорошем смысле слова «приятной наружности», то есть с правильными чертами лица, достаточно резко очерченными. Не красавчик, но и не брутальный тип, вызывающий у некоторых женщин восхищение, а у большинства мужчин настороженность и неприязнь. Одет он был в белый капитанский мундир, покроем несколько отличающийся от морских и космических нынешнего времени, но сомнений в принадлежности именно к этому виду униформ не оставляющий. Тот самый набор инвариантных признаков. Могут отличаться погоны, эполеты, нашивки, количество пуговиц, а суть остается неизменной. Самого роскошно украшенного швейцара с адмиралом может перепутать только персонаж анекдота.

Человек улыбнулся, увидев на своей стороне экрана Скуратова, кивнул, положил на зеленое сукно стола сильные, ухоженные кисти рук. Несмотря на отполированные ногти, они наверняка были способны и подковы гнуть, и колоду карт пополам разорвать. Незаурядный, в общем, господин.

– Здравствуйте, незнакомый друг, – мягким баритоном сказал капитан. Или – действительно адмирал. Лицо у него было такое, подходящее.

– Здравствуйте, – ответил ему Скуратов и по неперменной въедливости натуры осведомился: – А с чего вы взяли, что именно друг?

– Как же иначе? По этой линии может появиться только друг. Любой другой уже распылится бы на атомы или, того хуже, витал бы в окрестностях выжженной пустыни в виде мезонного облачка...

– Сурово у вас контакты с окружающими обставлены, – поморщился Скуратов.

– Иначе и нельзя. Но раз вас, как такового, защита пропустила, что толку думать об ином варианте?

– Трудно спорить. Но все равно настораживает.

– А вы наплюйте. В вашем прекрасном мире, насколько я в курсе, колючую проволоку разных модификаций до сих пор производят и заборы из мономолекулярных нитей.

– Может быть, оставим эту тему? – предложил Виктор, чувствуя, что дебют партии проигрывает. Да и неудивительно. Логик умеет переспорить противника (такого же коллегу в пиджаке с галстуком и пачкой страниц, покрытых тезисами) за трибуной симпозиума или в реферативном журнале, а если оппонент стоит напротив тебя с автоматом на ремне через плечо, покуривает сигаретку и разговаривает на ином *металанге*,¹⁷ тут труднее сохранять академическую невозмутимость.

– Оставим с удовольствием. Перейдем к конкретике. Меня зовут Антон, я в данный момент являюсь Руководителем межвременной структуры, в просторечии именуемой Замком. Одновременно другом вашего друга Игоря, априори – и вашим. Нет возражений? Продолжим. Замок с его интеллектуально-техническими возможностями можно рассматривать как организующее и связующее звено между всеми взаимодействующими в настоящее время реальностями. Потому вы, при воспроизведении обнаруженного вами *пароля*, попали не куда-нибудь еще, а именно на центральный процессор. И мы имеем удовольствие с вами беседовать и видеть друг друга.

Скуратов назвал себя и заверил Антона в тех положительных эмоциях, что он испытывает, познакомившись со столь достойной фигурой. В середине XXI века в моде снова были цветистые словесные конструкции и любовь к изысканному церемониалу. В каждой общественной страте и сословии церемониал вырабатывался и культивировался свой, но был и некий универсальный, позволявший осуществлять равноправное общение между как угодно далеко отстоящими друг от друга группами общества.

– Взаимно. Но не пора ли перейти к делу? Я обычно не придаю значения мелочам, однако хочу обратить ваше внимание, что сейчас мы с вами тратим невероятное количество энергии, и неизвестно, где и каким образом проявится гениально сформулированный вашим соотечественником постулат: «В каком месте чего прибавится, в другом столько же и отнимется». Хорошо, если она берется непосредственно от Солнца, а если из другого источника? Могут быть *последствия*. Итак, что побудило вас установить со мною прямой контакт?

¹⁷ *Металанги* – языки более высоких семантических уровней по отношению к общеупотребимым. Условно каждый следующий уровень по сложности на порядок выше предыдущего. Так, например, фраза, произнесенная на металанге третьего уровня, потребует в сто раз больше времени для переложения на первый и т. д. Популярный пример: «Рецессивная аллель влияет на фенотип, только если генотип гомозиготен». Чтобы сделать ее полностью понятной (на уровне свободного оперирования) для человека с начальным образованием, необходимо вначале изложить ему курс общей биологии, а затем и генетики. Что займет минимум сто учебных часов.

– Исключительно профессиональное любопытство, – честно ответил Виктор. – Мой друг Игорь, которому я подарил и отформатировал машину, поддерживающую нашу связь, не успел, а может быть, и не имел возможности сообщить мне об открытых им межвременных взаимодействиях. Ваша (или его) формула попала ко мне почти случайно, вот я и не удержался...

– Опрометчиво, – без всякой иронии в голосе сказал Антон. – Не могу сказать точно, сколько людей пострадало от невинного желания узнать, для чего к гранате колечко привешено. Но много. Сам видел, и неоднократно.

– Могу представить, – кивнул Виктор. – Но у нас не тот случай. Прежде всего, я хочу разыскать исчезнувшего при странных обстоятельствах друга, ну и разобраться, что же такого нового научилась делать придуманная мною машина. Для подобных экзерсисов я ее не предназначал.

– Один персонаж тоже не догадывался, что с помощью изобретенной им мясорубки не только фарш для котлет делать можно. Да было уже поздно...¹⁸ Относительно вашего друга могу сказать, что он до настоящего момента пребывает в полном здравии, и при желании ничто не препятствует вам с ним увидеться. Да и насчет разного рода машин я смог бы вас просветить, невзирая на то что ваша цивилизация существует на сотню лет впереди... *нашей* и достигла необыкновенных высот во многих отраслях знаний.

– Нужно ли так понимать, что вы меня в гости приглашаете? – спросил Скуратов, и при этих словах у него вдруг определенным образом замерло, а потом зануло сердце. Будто из горячей парной в ледяную прорубь окунулся.

– Именно так. При более тесном и не ограниченном времени общения вы сможете значительно расширить круг своих познаний. Да и нам во многом оказаться полезным. А то у нас только один гениальный инженер имеется, из восьмидесятых годов двадцатого столетия. У него таких институтов, как ваш, в распоряжении не имелось, однако в походных условиях и из подручных средств устройство для совмещения пространства-времени собрал. На пятьдесят парсеков устойчиво работает...

– Не может быть!

– Захотите – увидите, – почти равнодушно ответил Антон.

Скуратова терзали противоречивые чувства. То, что он сейчас разговаривает с помощью обыкновенного компьютера с человеком из иной реальности, – несомненный факт. Мистификацией это быть никак не может. Что Ростокин на *той стороне* уже бывал и сейчас там же находится – тоже. Из данной посылки вытекает, что слова Антона насчет СПВ вполне могут оказаться правдой. Познакомиться с неизвестным гением – да за это можно все отдать! Как если бы Виктору предложили лично обсудить загадочные изобретения и прозрения с самим Леонардо да Винчи.

– Наш Олег, кроме всего прочего, еще и дубликатор любых материальных предметов изобрел. Путем рекомбинации атомов помимо ядерного или термоядерного синтеза. При комнатной температуре и напряжении бытовой электрической сети. Забавно?

– Вы что, Мефистофеля из себя изображать взялись? – подсевшим голосом спросил Скуратов.

– Ни в коем случае. Какое может быть «сращивание», если вам стоит нажать кнопку «Выход» и наше общение закончится? Свобода воли в самом наглядном ее проявлении. Игорю я передам, что вы им интересовались. В положенное время он вернется и, уверен, ответит на все ваши вопросы, подтвердив заодно, что я вас не соблазнял, не обманывал... Просто информировал.

– Подождите. А как будет выглядеть... Ну, если я соглашусь... Туда, к вам...

– Технически – проще некуда. Открою портал – вы шагнете. И все.

¹⁸ См.: А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом».

– А – обратно? У меня ведь институт, лекции. И... Да сами понимаете!

– В любой момент по вашему желанию. Если есть неотложные дела... – Антон, выдерживая интригующую паузу, потянулся к правому ящику стола, за которым сидел, достал сигару, очень похожую на те, что курил Скуратов, повертел в пальцах. Смешно, но сейчас Виктору, страстному любителю и ценителю сигар, захотелось узнать, что она собой представляет, даже больше, чем все остальное.

Принцип психологического замещения.

– Это у вас какая? Кубинская?

– Что вы! Настоящая трихинопольская. На открытый рынок попадает крайне редко. Знайки разбирают на месте. Но я не закончил – если есть неотложные дела, сможете вернуться домой прямо в момент отправления. Плюс-минус десять минут. Принцип неопределенности, сами понимаете...

– Плюс – ладно. А минус? Это же удвоение выйдет, парадокс, – уцепился за частность Скуратов, чтобы хоть немного оттянуть главное решение.

– Всякое бывает, – с откровенной усмешкой ответил Антон. – Неизбежная на море случайность. Так вы, это, как у нас говорят, *определяйтесь*. Хотите – добро пожаловать. Нет – честь имею. У меня сейчас фидеры в разнос пойдут...

«А, черт, была не была! – мысленно махнул рукой Виктор. – Каждому из нас судьба обязательно стучится в дверь, только мы в это время обычно сидим в соседнем кабачке...»

– Две минуты – можно?

– Две – можно.

На странице большого настольного блокнота академик написал крупными буквами, адресуясь к Суздальеву: «Георгий, я отправился за Ростокиным. Не обижайтесь. Скоро вернусь. Наверное. Ваша теория подтверждается. На всякий случай передайте в мой институт, что я срочно вылетел в спецкомандировку. Заместители знают, что делать. Справятся. Вам обещаю отчитаться по прибытии. Ни в коем случае не позволяйте никому прикасаться к компьютеру. Если не вернусь через час, опечатайте квартиру. Но никаких других активных действий. Скуратов».

– Так. Я готов. Что дальше? – вытирая пот со лба, спросил он у Антона.

– Да ничего. Добро пожаловать...

Экран монитора распахнулся на два метра вверх и вширь. Виктору осталось только опереться о край стола и перекинуть ноги на ту сторону. Перешагнуть порог.

...Перешагнуть порог. Ступить за ограду. Выйти за рамки. Совершить волевое усилие, как при первом прыжке с парашютом. Выпить стакан холерных вибрионов для подтверждения собственной теории...

Тысячекратно люди совершали подобные поступки: из научного интереса или для самоутверждения. Случаи исполнения воинского или гражданского долга пока не рассматриваем, там совсем иные мотивации.

Виктор пересек границу, и зияющий квадрат за спиной мгновенно стянулся к размерам нормального монитора, на котором секунду продержалось изображение опустевшего кабинета Ростокина. Потом исчезло.

«И все-таки слаб ты, братец, в коленках, – самокритично подумал Скуратов, чувствуя, как сердце пульсирует прямо под горлом. – Засиделся в кабинетах. Игорь небось так не мандражил, погружаясь в неведомое».

И сразу же натура взяла свое. Кому приятно признавать себя слабаком? Немедленно возникли оправдания и «смягчающие обстоятельства». Ростокин, как всем известно, не кем иным, как профессиональным искателем приключений, никогда себя и не мыслил. То, что для других

смертельный, ничем не оправданный риск, для него – лишний повод пощекотать свое самолюбие. Нельзя же равнять каскадера и кабинетного ученого. И так далее в этом же роде.

Но главное все же заключалось в том, что Виктор, с теми или иными издержками, преодолев инстинкт самосохранения и всякие другие инстинкты и фобии, стоял сейчас посередине помещения, расположенного неизвестно в какой точке мирового континуума, и смотрел в глаза первому в своей жизни *потустороннему* существу, какой бы смысл в это слово ни вкладывать.

– Добро пожаловать, – широко улыбаясь, повторил Антон с совсем другой интонацией и протянул руку. – Рад видеть в гостях у нашего сообщества очередного смелого и талантливого человека. Присаживайтесь, – указал он на кресло по другую сторону стола. Или, если хотите, можем пройти в более удобное место. Этот кабинет оформлен в соответствии со вкусами людей иной культуры и иной эпохи. Мне он кажется слишком... казенным для приватной беседы.

– Какой эпохи? – спросил Скуратов. – По-моему, она от нашей не слишком отличается. И казенного я вижу очень мало. Скорее наоборот.

– От вашей – наверное. Здесь все примерно так, как и у вас, это ведь стиль девятнадцатого века Главной исторической последовательности, не искаженный более чем веком войн и революций, политических и культурных. Ваша развилка образовалась приблизительно в году девятьсот четвертом-пятом и сохранила гораздо больше исходных черт, чем последующие...

– Развилка – это очень интересно... – Виктор уже успел охватить взглядом помещение, в котором они находились, и составил о нем свое впечатление. Но ему хотелось увидеть как можно больше в то короткое время, что доведется здесь пребывать.

Что же кажется естественным этому человеку, определенно не соотносящему себя с ГИП? Понять его *отстраненность* было несложно. Семантика и семиотика как таковые не относились к сфере непосредственных интересов Скуратова, но в качестве инструментов *высшей* логики он ими владел в достаточной степени.

– Вы мне непременно расскажете об этом подробнее, поскольку я такие вещи до сегодняшнего дня воспринимал только в качестве голых абстракций. «Что было бы, если...» Распространенный в кругах любознательных, но недостаточно образованных людей вопрос. Студенты второго-третьего курса его особенно любят. Я всегда на него отвечал однозначно: «Ничего! Что случилось, то случилось. Иначе каждый спрашивающий попадает в ситуацию сороконожки. Если бы я пошла не с седьмой левой, а второй правой ноги, куда бы я пришла?»

Антон, вместо ответа озарил гостя очередной своей улыбкой, набор которых у него был практически бесконечен. Для любого человека и любой ситуации – своя. Наиболее соответствующая моменту и настроению партнера.

– Тогда – прошу, – указал он на дверь. – Все-таки адмирал Григорович, Управляющий морским министерством после Русско-японской войны, и его поклонник, адмирал Дмитрий Воронцов, член нашего «Братства» и *первооткрыватель пути* в Замок, обладали слишком *тяжеловесными* вкусами, оборудуя такой вот кабинет. Александр Иванович Шульгин, генерал-лейтенант совсем других ведомств, уважает ранний модерн, в чем я с ним почти солидарен. Ну а уж если мы коснемся лично моих пристрастий и привычек... – Антон откровенно рассмеялся. «Радостным детским смехом».

Это выглядело одновременно и демонстративно, и естественно, так что Виктору стало совсем неуютно. Медленно, исподволь, но до него начало доходить, что это только у себя дома он – нобелевский лауреат и неопровержимый авторитет во всех образованных кругах. А здесь он попал в ситуацию, где единственным условием выживания являются только составляющие твоей личности.

Что-то всплыло в памяти из ранее читанных книжек или со слов того же Росточкина, приспособленного ко всему. «Да на хер кому твое высшее образование, – крикнул сержант

и больно двинул доцента локтем по зубам. – Ты ленту, гад, продерни, продерни! И стреляй. Глядишь, отобьемся...»

Каким-то труднообъяснимым образом Виктор приложил эту сентенцию к себе. И сразу осознал, что прямо на глазах, как мякина при молотье, отлетают от него привычки и манеры лауреата и академика, остается только то, что было десять, а то и пятнадцать лет назад. Когда они с друзьями и не думали о чинах и званиях, нынешних и грядущих, сплавляясь на катамаранах по перекатам рек Горного Алтая.

Удобно, конечно, чувствовать себя мировой знаменитостью и властителем судеб научных сотрудников и аспирантов, но – не на этом же все замыкается.

– И каковы же ваши пристрастия и привычки? – стараясь попасть в тон предложенной, веселой и необязательной манере, спросил Виктор. – Хотя бы – не как у людоедов Папуа – Новой Гвинеи?

– Моментами – гораздо хуже, – согнав с лица улыбку, ответил Антон. – Вам бы они наверняка показались чересчур экзотическими... Так пойдем?

Они проследовали пару сотен метров по длинному и узкому переходу без окон, неярко освещенному вычурными хрустально-бронзовыми бра. Несколько раз пересекли полукруглые площадки, с которых то вверх, то вниз уходили лестницы, прямые и винтовые. На одной из них Антон указал, что надо спуститься. Под ногами негромко загудел металл ступенек ажурного литья. Скуратов, придерживаясь рукой, заглянул через перила. Глубоко. Не меньше десяти этажей, как ему показалось, а скорее всего – и больше. Спираль лестницы терялась в сумеречном свете. Захотелось плюнуть вниз, посчитать секунды, пока долетит до дна колодца.

«А может, и не долетит. Нет здесь никакого дна. Вот я уже почти персонаж готического романа», – подумалось Виктору.

Наконец в очередном коридоре, тремя витками ниже, Антон толкнул дверь, ничем не выделяющуюся среди многих, встреченных по пути. Они очутились в небольшом холле с глубокими стегаными креслами, пепельницами на гибких параболических ножках, очень близкой к оригиналу копией «Бульвара капуцинок в Париже» напротив входа. Окон здесь тоже не было. Свет, по спектру соответствующий гамме зимнего пасмурного дня, источали полускрытые за драпировками стен матовые колонки, отчего в помещении было особенно уютно.

Четыре ступеньки полукруглого подиума, и Антон ввел Скуратова в бар, в свое время придуманный и оформленный Шульгиным. С полудесятком витражей, изображающих девушек в натуральную величину, разной степени полуобнаженности, весьма привлекательных и крайне эротичных. У одних это выражалось позой, у других – исключительно выражением лица. К подобному жанру Виктор был равнодушен, тем более панно были исполнены в стиле гиперреализма, то есть выглядели подлиннее, чем обычная фотография. Но в упор пялиться на красоток он не стал, сохраняя респектабельность. Достаточно так, мельком поглядывать, будто бы невзначай.

Антон указал на одну из глубоких ниш в стене, где помещался столик и два удобных дивана, словно в купе вагона первого класса. Прямо напротив оказалась прелестная всадница, скачущая на зрителя по южнорусской степи. То ли спасаясь от погони, то ли преследуя. На гнедом коне великолепных статей. Лицо у нее было красивое, бесшабашно-радостное, выражающее упоение бешеным аллюром. Пышные темно-русые волосы встречным ветром вытянуты почти горизонтально. Из одежды – только длинные ажурные чулки и туфельки на умопомрачительно высоких и тонких каблуках. К широкому атласному поясу по-немецки, слева пристегнута треугольная кобура «парабеллума» с откинутой крышкой.

Скуратову тут же пришел в голову вопрос, которым неизменно задавался каждый, кому довелось видеть это произведение искусства.

– Извращенец, – фыркнул он, кивая на панно.

– Кто?

– Автор картины. Сам бы попробовал с версту проскакать в подобном виде...

– Творцу виднее. Откуда мы знаем, может, у нее на чулках изнутри замшевые вставки, а на седле – бархатная подушка. И шенкеля,¹⁹ как у древнего скифа. Те вообще без стремян обходились. Другое дело – пояс. Как он не съезжает? Пистолет тяжелый.

– Кожанный, наверное. А сверху – для красоты аппликация.

– Вполне возможно, – согласился Антон.

– А интересно, прототипа у этой дамы нет ли?

– Прототипы у всех есть – просто так, из головы, даже Микеланджело никого не писал.

Порассуждали немного на эту тему, для разрядки, и чтобы приспособиться к стилю общения друг друга.

– Есть хотите? – вдруг озаботился хозяин. – Можете заказать, что заблагорассудится, у нас есть абсолютно все.

– Абсолютно?

– Именно так, и не фигурально, а буквально...

– Нет, я не голоден, а вот кружечку хорошего пива – с удовольствием.

– Хорошего – это расплывчато. Сорт, цвет, место производства... Желаете карту напитков посмотреть? – Антон потянулся к толстой, как телефонная книга Нью-Йорка, книжке меню.

– Не надо. Пусть будет темное мюнхенское, нефilterованное. Крепкое.

– Один момент... – Антон повозился у дверцы в стене, дождался короткого мелодичного звонка, открыл и выставил на стол две высокие фарфоровые кружки, увенчанные шапками пены.

– Вуаля!

Виктор попробовал. На самом деле – изумительное пиво. Ему доводилось пить такое несколько лет назад, в старинной частной пивоварне, когда читал лекции в баварском университете.

– Вы прямо волшебник. И все это – за сто лет до моего времени? Пожалуй, наша развилка оказалась не самой удачной, если мы так отстали...

– Не огорчайтесь, – успокоил его Антон. – Здесь, где находимся мы, – *безвременье*. К подлинно исторической жизни имеющее весьма опосредованное отношение. *За бортом* же все выглядит несколько иначе. Да я вам покажу. Лучше один раз увидеть...

– Подождите, Антон, подождите. Слишком вы *форсируете*... Перед тем как окончательно *погрузиться*, я хотел бы выяснить – в чем заключается ваш интерес – и оговорить базовые, так сказать, условия сотрудничества и, э-э, гарантии, что ли...

– Гарантии, гарантии... Вы же очень умный человек, Виктор. Какие могут быть гарантии в мире, находящемся вне любой, чьей бы то ни было юрисдикции? Не более, чем мое честное слово. Ну и Ростокин сможет его подтвердить...

– Тогда я бы хотел сначала переговорить с Игорем, а потом уже...

– Это мы сделаем. Не прямо вот сейчас, но в обозримые сроки...

Скуратов опять ощутил знобящий холодок между лопаток. Начинается!

Он сейчас почувствовал себя еще хуже, чем Воронцов, впервые очутившийся в Замке. Тот, по крайней мере, добровольно согласился принять участие в своеобразной игре-эксперименте, и с Антоном был раньше знаком, и, что немаловажно, характер имел военно-морской, закаленный с восемнадцати лет «тяготами и лишениями воинской службы». Ему и терять по большому счету было нечего. Кроме жизни. Но так вопрос не стоял.

¹⁹ *Шенкель* – внутренняя поверхность голени и колена, с помощью которых всадник, собственно, держится в седле и управляет лошастью. Стремена сами по себе для этого не предназначены, и если «облегчаться» от них, а не от шенкелей, последствия могут быть самыми неприятными.

- Обозримые – это как?
- Как только сумею его разыскать. Это может занять не один час.
- Он сейчас так далеко?
- Достаточно далеко. В Южной Африке в 1899 году.
- Скуратов удивленно почесал бороду.
- И вправду... Что же он там делает?

– Очевидно, решил пойти по стопам своего любимого Стенли. Знаете, в освоенных нами мирах совсем не осталось неисследованных мест. В вашем – тем более. Но там хоть можно удовлетворить тягу к неизведанному в межзвездных полетах. А на *благоустроенной* Земле XX века, – произнеся это слово, Антон то ли иронически, то ли печально улыбнулся, – человек с характером вашего друга может найти себя только в военных авантюрах или в большой политике. Политика по очевидным причинам ему заказана, а войны и революции успели надоесть. Вот и потянуло его с товарищами в мало пока освоенную реальность...

Скуратов все еще не мог свыкнуться с тем, что этот интересный человек говорил. Слишком просто у него выходило. Захотел Игорь перебраться из второй половины XXI века в первую треть XX – пожалуйста. Захотел вернуться на денек домой – никаких проблем. А теперь вот отправился аж в XIX – и опять это звучит так, будто из Москвы в Вологду на свою дачу съездить в выходной день.

Но ведь по всем физическим и иным законам это абсолютно невозможно. О возникающих при подобном допущении парадоксах Виктор знал побольше других. Разумеется, мысль о возможности создания хроноквантового двигателя и использование его для межзвездных полетов двадцать лет назад казалась столь же абсурдной. Поколения физиков и просто людей, мечтавших о Млечном Пути, Туманности Андромеды, хотя бы Проксиме (она же – Ближайшая) Центавра, отчетливо сознавали, что мечты – мечтами, а суровая действительность не оставляет никаких шансов.

Скорость света есть скорость света, константа! Исходя из преобразований Лоренца, формул Эйнштейна и прочих максвеллов, даже и пытаться не стоит ее достигнуть. Бесконечное возрастание массы и так далее. Взамен – если кому-то такое на самом деле захочется осуществить – десятилетия полетов в вакууме на кораблях, обязанных нести миллионы тонн горючего и припасов, чтобы в итоге убедиться, что цель того не стоила.

И вдруг, буквально в одночасье все изменилось. Скуратову с Ростокиным было тогда как раз достаточно лет, чтобы и понять перспективы открытия и воспринять его легко, без *потрясения основ*. Как их деды согласились с возможностью, а потом и необходимостью трансатлантических воздушных перелетов. Тогда люди получили возможность добираться реактивным самолетом из Москвы до Нью-Йорка или Токио быстрее, чем поездом из Петрограда в Ялту. Теперь – до Веги или Антареса, как на экраноплане из Одессы в Сидней.

Но... Снова то самое «но»! Наверное, есть какой-то возрастной рубеж. Виктор его преодолел и теперь уже с большим трудом пытался заставить себя поверить в то, что время стало столь же доступным, как и пространство. Захотел – из Москвы в Антарктиду сегодня же, захотел – из 2056-го в 1899-й!

И все-таки придется уверовать в такую возможность. На мистификацию или фокус происходящее никак не походило. Другое дело – кем и с какой целью он оказался вовлеченным в такую игру? Пока не встретится с Ростокиным, ни на одну провокацию больше не поддастся.

– Значит, договорились, – сказал академик, переведя взгляд на девушку с другого витража. Более, чем просто очаровательную блондинку, собравшуюся искупаться в изумрудной воде тихоокеанского атолла. И вдруг испуганно обернувшуюся, как бы услышав или увидев что-то за спиной. Широко распахнутые глаза, приоткрывшиеся губы, движение руки, инстинктивно прикрывающей наготу...

- Вы находите Игоря, я с ним разговариваю наедине, и уже затем – все остальное.

– Так и решим, – кивнул Антон. – Только чем бы мне вас до этого развлечь? Хотите, я вас провожу в библиотеку? Посмотрите, что интересного успели написать люди, существовавшие в других по отношению к вам условиях? И на русском много интересного найдется, и на других языках, если владеете...

– Я свободно владею английским, немецким и французским, – с неожиданным вызовом ответил Скуратов. – Также латынью и древнегреческим. Не говоря обо всех славянских...

– Очень хорошо. Классическое образование. Значит, в библиотеке вам скучно не будет. А то есть еще один вариант. На мой взгляд, он предпочтительнее. Познавательнее, я бы сказал, и в гораздо большей степени способен укрепить доверие к моим словам. Нечто вроде документального фильма, иллюстрирующего основные этапы деятельности организации, гостем которой вы вольно или невольно оказались.

– Пожалуй, это на самом деле было бы предпочтительней, – согласился Скуратов. Фильм, независимо от степени его общей достоверности, самый пропагандистский, как угодно тенденциозно смонтированный, на две трети постановочный – непременно будет нести значимую информацию. Если не прямую, то опосредствованную, но в любом случае – дающую определенное представление о тех мирах, где разворачивается действие. Реальную историю по экранизации «Трех мушкетеров», к примеру, изучать не стоит, но уж семнадцатый век с двадцатым после нее никак не спутаешь. Нравы, обычаи, психологическую канву эпохи Ришелье с Древним Римом – тоже. А отсеять зерна от плевел, инсценировки от «правды жизни», выявить логические нестыковки и попытки манипуляции сознанием зрителя он как-нибудь сумеет.

Кроме того, Виктор вообще не слишком верил, что специально для него так быстро был заготовлен особый *идеологический продукт*. Не того масштаба фигура, здраво рассудил он, без всякого самоуничтожения. Все его значительные труды опубликованы полностью. Никаких секретных разработок, представляющих интерес для солидных государственных или частных структур, хоть в своем, хоть в другом времени, институт не ведет. Вот если бы он обладал полной конструктивной и технологической схемой нового поколения хроноквантовых двигателей, незапатентованной, существующей в единственном экземпляре, тогда игра, возможно, стоила бы свеч. Да и в этом случае – зачем *им*, обладающим возможностью свободно перемещаться в пространстве и времени, секреты паровоза Стефенсона?

– Тогда немедленно и начнем, – удовлетворенно сказал Антон.

Непонятым для Скуратова образом прямо в воздухе, заслонив стену с витражами, возник полусферический экран около двух метров в диаметре. Хозяин протянул ему изящный, удобно лежащийся в ладонь пульт.

– Здесь очень просто – сенсоры стандартные: «старт-стоп», «вперед-назад», «быстрее-медленнее», «громче-тише». Нормальное время просмотра – как раз около двух часов. За это время я надеюсь разыскать Игоря и представить его пред ваши светлые очи. Захотите что-нибудь съесть или выпить – никаких проблем. Вот дверца линии доставки, вот меню-каталог. Тематический и алфавитный. Выбираете нужное, вводите здесь цифровой код, получаете заказ – как в аптеке. Направо за стойкой – туалет. Вопросы, пожелания есть? Тогда я вас оставляю...

– А как мне вызвать вас, если вдруг потребуется? – спросил Виктор. Перспектива остаться одному, затерянному в недрах грандиозного сооружения, которое хозяин назвал Замком (даже на слух это слово прозвучало с большой буквы), его совсем не радовала. Случись что, в одиночку отсюда ни за что не выберешься. Да и было бы куда выбираться. *Безвременье* – звучит довольно пугающе.

– Голосом позовите, и все. Я услышу.

Дверь с негромким шипением воздушного демпфера закрылась, отрезая Скуратова от всех миров, реальных и вымышленных. Остались только он и экран, таящий за своим матово-серым покрытием неизвестно что. Только провести пальцем над сенсором...

Весь двухчасовой фильм Виктор просмотрел запоем, не отрываясь. Нельзя сказать, что Новиков и его друзья, помогавшие ему в работе, были такими уж гениальными режиссерами. К изыскам в стиле современных Скуратову турбореалистов они точно не стремились. И делали работу исключительно для себя, нечто вроде беллетризованной кинохроники истории «Андреевского братства». Для себя, чтобы вспоминать в старости, или для потомков – не суть важно. Возможностей Замка, умевшего извлекать из кладовых памяти отдельного человека почти любую стабильную информацию и обладающего собственным информарием бесконечного объема, хватило на то, чтобы сделать то, что требовалось.

Демоверсия, предложенная вниманию Скуратова, была, само собой, предельно адаптированной для восприятия постороннего, которому совсем не обязательно знать то, что его не касается. Именно – только канва всех имевших место событий, смонтированных вдобавок в нужном порядке. Зато – с яркими, *достающими* эпизодами. Виктору увиденного оказалось вполне достаточно, чтобы избавиться от массы стереотипов и *расширить сознание*. Фантастическая сага, в которой он, при всем внимании к деталям, не уловил ни одного психологического или логического *пробоя*.

То, что в хронике наверняка имеется масса купюр, умолчаний, рекомбинаций подлинных событий, – он понимал. И не имел права осуждать авторов. «Война и мир», при всем ее объеме, тоже охватывает ничтожную долю подлинных событий, изложенных вполне претенциозно, но данный факт не умаляет величия и ценности произведения.

Зато теперь Скуратов представлял, в события какого масштаба вовлечен. С позициями и поведением героев можно было соглашаться или нет, но невозможно было их игнорировать. Несколько раз то один, то другой персонаж прямо или завуалировано подчеркивал основную мысль – пусть наши поступки неправильны, некорректны, подчас глупы, пусть они выходят за рамки *общепринятого* (как и кем «принятого» – отдельный вопрос), но мы честны перед собой и миром в *экзистенциальном* смысле. Если ты уверен, что поступить иначе просто не можешь, и ни в чем не противоречишь собственным убеждениям, значит – ты прав.

С последним постулатом Виктор полностью согласиться был не готов, но все им увиденное не давало оснований посчитать, что эти самые «братья» – люди, не заслуживающие уважения. Особенно – с учетом совершенно других исторических условий и обстоятельств, с которыми им пришлось столкнуться.

Серьезным шоком были для Скуратова картины жизни при так называемом *социализме*, особенно в его *сталинской* интерпретации, да и поздний, *реальный*, на взгляд нормального человека, был немногим лучше. *Вторая мировая* война вообще выходила за пределы человеческого понимания. И тут же, параллельно, сцены на далекой планете Валгалла, почти встык – Гражданская война, сильно отличающаяся от той, что случилась *на самом деле*. Несколько эпизодов, непосредственно связанных с Ростокиным. В его *настоящей* жизни и в другой, здешней, где он проявил себя вполне соответственно этому времени. И еще много сцен другого плана, демонстрирующих, что, невзирая ни на что, и в иных параллелях можно жить легко и радостно. Оставаясь человеком.

Его, кроме горестного недоумения при мысли, как может быть ужасна жизнь, переполняли и совершенно противоположные чувства. Как истинному естествоиспытателю, Виктору невыносимо хотелось очутиться внутри каждого из показанных ему миров, самому разобраться, что и как там устроено, постигнуть тайны, делающие невероятное обыденным и практически применимым. Если это удастся, он вернется другой личностью, овладевшей не только особым стилем мышления, но и новым запасом знаний, и практическим опытом непостижимого, но подлинного. Тогда его институт вполне оправдает свое наименование, кажущееся очень многим чрезмерно претенциозным.

Интеллектуальное потрясение и эмоциональная перегрузка были столь велики, что для восстановления душевного равновесия он заказал себе обильный и изысканный обед, не в каж-

дом из лучших московских ресторанов доступный. В этом он убедился, погрузившись в изучение каталога. Что греха таить, Виктор знал толк в настоящей еде, причисляя себя к не слишком многочисленной касте *истинных гурмэ*.

Листая тонкие, с кремовым оттенком страницы, он находил здесь все, что только мог вообразить, а заодно и многое сверх того. Антон ничего не говорил о ценах, и в каталоге они не были обозначены, так что, по умолчанию, предполагалась бесплатность услуги. Особого значения это для Скуратова именно сейчас не имело, совсем другие ставки на кону, но все равно приятно. Скажем, белое вино «Понтэ Кане» урожая 1911 года (какой реальности?) приобрести в Москве было абсолютно нереально, сколько денег ни предложи. Не бывает такого и быть не может!

Составив заказ, он с некоторой опаской последовательно набрал десяток цифровых комбинаций. Устройство весело подмигнуло лампочкой и тут же, не прошло и нескольких минут, начало выставлять в камеру за стеклянной дверцей заказ, строго руководствуясь кулинарной последовательностью и тонкостями сервировки, будто где-то в глубине сидел эрудированный метрдотель на пару с сомелье.

Главным минусом радостного момента было то, что у Виктора отсутствовал достойный собеседник, а ведь вкушение приготовленных с безупречным мастерством (и с немислимой скоростью, надо отметить) блюд требовало общества не уступающих по квалификации знатоков-сотрапезников.

Но с этим ничего не поделаешь, пришлось смириться с прискорбным обстоятельством, заменив застольную беседу размышлениями, увы, не имеющими отношения к процессу наслаждения.

Главных вопросов, занимающих Скуратова в связи со случившимся, было только два, остальные – производные.

Первый – для чего все-таки он мог потребоваться людям (или – не совсем людям), обладающим могуществом, к которому он ничего не был в состоянии добавить в своем воображении? Что значат все его изыскания и признанные успехи на фоне хотя бы способа пройти через компьютерный монитор в иное измерение? Прочнейшее стекло экрана растворялось в каком-то *непространстве*, пропускало довольно массивный материальный (а главное – живой!) объект сквозь себя, тут же возвращаясь в исходное состояние. Кое-какие достижения в данном направлении имелись и в его мире, даже – с коммерческим успехом. Но там пока все ограничивалось перемещением по волноводам, через специальные станции-преобразователи объектов незначительной массы и, что главное, заведомо биологически инертных.

И второй – если он, тем не менее, для какой-то цели могущественным «братьям» вдруг потребовался, то отчего – именно сейчас? Не полугодом раньше, вместе с Ростокиным, а то и вместо него, не годом позже, а – сегодня? Что такого могло случиться, чтобы им стал нужен именно он? Или – такой, как он, тут же появилась трезвая поправка.

В тонкостях компьютерной логики новые друзья Ростоккина смогли бы, наверное, разобраться и самостоятельно. Значит – что? Абсолютно нештатная ситуация, в которой потребовались его мозги. Как таковые, независимо от степени информированности в вопросах текущей реальности. Ведь наверняка (скорее всего) строитель Кельнского собора, не оканчивавший архитектурного института и не сдававший сопромат, сумел бы кое-что подсказать своим в пятой степени правнукам.

Станным образом Скуратов забыл, что Антон или все «Братство» целиком, отнюдь не искали академика и не звали в гости. Даже Игорь записочки ему не оставил, и это вдруг вызвало чувство обиды.

Он сам согласился на предложение генерала Суздалева, сам начал возиться с компьютером, сам набрал формулу и сам пришел к человеку, который, возможно, несколько часов назад понятия не имел о его существовании. А если и имел, то не предпринимал попыток встре-

таться. Но так бывает довольно часто. Не каждый помнит, что именно инициировало знакомство с будущей женой и каков был *решающий* момент чего-то... Зато поводов для последующих сожалений, недоразумений и взаимных претензий нередко возникает предостаточно.

Как полагается за нормальным столом, к каждому блюду автоматическое устройство подавало предусмотренные ритуалом напитки. Когда дело дошло до сыров, фруктов, кофе, коньяка и ликеров, Виктор Викторович полностью успокоился. Велика ли разница, кто кого сюда пригласил и что последует потом? Дисциплинирующее действие ресторанного антуража и общества отсутствовало, думать о том, на чем добираться домой, тоже не требовалось, а если так – какие могут быть тормоза?

Спешить совсем некуда. Когда Игорь появится, тогда и будем разговаривать. А когда он появится? Как писал Омар Хайям? «Жизнь, что идет навстречу смерти, не лучше ль в сне и пьянстве провести?»

Скуратов сдвинул два диванчика, прикинул – как раз хватает длины. Подушки и одеяла линия доставки наверняка не выдаст, у нее другая специализация. Да и так ничего, не холодно. Как бывало в студенчестве: снял пиджак, сложил вчетверо, подложил под голову. Хорошо. Вполне можно придавить минуток полтора, если не помешают.

Закрыл глаза. Как давно было заведено для отвлечения от лишних мыслей и быстрого засыпания, начал перечислять станции московского метрополитена, сначала кольцевые, по часовой стрелке, начиная с «Сухаревской», а потом и радиальные. На «Преображенской» полудрема перешла в крепкий сон.

Глава 4

– Ну, с избавлением, – криво усмехнувшись, произнес Новиков предельно лаконичный тост.

...Они с Шульгиным добрались к лагерю уже в полной темноте, но роботы вывели их точно к месту, не хуже, чем спутниковые навигаторы, которых здесь не было и быть не могло. Обошлись обычным пеленгом на коротковолновые сигналы остававшихся на месте андроидов, поддерживавших постоянную связь между собой.

Снова команда кладоискателей собралась вместе. Все живые и здоровые, несмотря на радиацию, атаку дуггуров и иные мелкие неприятности.

С физической усталостью, болью в ногах и спине не мог справиться и гомеостат. Не его, так сказать, компетенция, он ведь всего-навсего «полууниверсальный». Молочную кислоту из мышц он, конечно, удалит, но не раньше, чем через четыре часа. Слишком долго. Андрей приказал немедленно отправляться в путь, не вдаваясь в подробности, за отсутствием свободного времени, а главное – настроения для длинных бесед.

– Вперед, вперед! – командовал он роботам, Левашову и девушкам, которым, на их счастье, не пришлось побывать там, где были они с Шульгиным. За исключением Ларисы, но о дуггурской станции воспоминаний у нее почти не осталось.

И снова фургоны катились по вельду стремительно и тихо. Почти семьдесят километров уже отделяло караван от гор, пещер, дагонов и дуггуров. Но Андрею казалось, что и этого мало. Еще бы столько, тогда, возможно, они окажутся в безопасности. С чего взялась именно такая оценка дистанции, он не задумывался. Да и Шульгин молчал, переместившись в голову колонны.

Трех роботов они оставили далеко позади, в качестве казачьей тыловой походной заставы, с заданием увести преследователей, если такие окажутся, как можно дальше в сторону, после чего уничтожить, если не будет другого выхода. А потом догнать караван.

За шесть часов гонки на пределе возможности лошадей и рессор фургонов они проехали едва пятьдесят километров. И это все. Абсолютный предел. Лошади не люди. Остановив почти запаленного коня, и сам практически неживой, Андрей почувствовал, что зона досягаемости ментальных возможностей любых *нелюдей* закончилась. Сам воздух здесь был какой-то другой. Да и не в воздухе дело (это только проекция обычного человеческого восприятия), просто мировой эфир вокруг был свободен от эманаций чужих разумов и излучения скрученного, деформированного времени.

«Как здорово я наловчился различать такие тонкости», – мельком подумал Новиков. Попробовал браво соскочить с седла и позорнейшим образом упал, едва успев подставить руки, чтобы не воткнуться лицом в траву. Не сумел вовремя выдернуть ногу из стремени. Позор, но подняли его за плечи две женщины. Довели, хотя он и сопротивлялся, до ближнего фургона, положили на надувной матрас.

– Накатался, д'Артаньян ты наш? – услышал он голос Ирины.

– Все нормально, не надо цитат, – придержавшись за колесо, Андрей встал. – Растрясло, бывает. Отец рассказывал, как они по туркменским пескам целыми днями верхом мотались. А там плюс сорок было. У меня закалка не та. Воды дай, а лучше – шампанского...

– Еще кавалергард выискался, – в правое ухо фыркнула Лариса. – Ну пей, пей...

Вытянув полбутылки из горлышка, поперхнувшись пеной, Андрей взбодрился.

– Вот и все. Сейчас бы в баньку да массаж...

– Массаж можно, а с банькой потерпишь, – сказала Ирина.

– Тогда покурим, барышни. – Новиков остаток бутылки употребил мелкими глотками. Полезно для измотанного организма – глюкоза. Когда он занимался велосипедными гонками, на трассе витамин С с глюкозой поглощали пачками. Жаль, что здесь вовремя не вспомнил. А еще бы лучше – фенамином поддержать слабеющие силы.

– Сашка где?

Шульгин всю дорогу хорошо держался в седле и молчал, странно отрешенный и погруженный в себя. Досталось ему, конечно, выше всяких пределов, даже за последние сутки, не считая всего прочего. И все же выглядел он хуже, чем следовало. Немного напоминал Ларису. Слишком много нервной и какой-то иной энергии высосали из них эти пещеры. Но если мог скакать карьером и понимал, где он и что с ним происходит, – ничего страшного. И не такое бывало. «Возможно, – думал Андрей, – ему просто надоело стрелять и убивать. Наступил предел насыщения, тем более что все три его ипостаси слились воедино, каждая сохранив собственный груз негативных эмоций. Это как нормальному человеку существовать на планете с тройной силой тяжести».

Он и сам до сих пор не мог забыть свою смертельную депрессию, и хоть вспоминал ее уже отстраненно, все равно делалось нехорошо. Шульгину, пожалуй, еще хуже. Он ведь, как ни странно это звучит, несет в душе еще и воспоминания о двух собственных смертях, пусть и не *взаправдашних*, но весьма наглядных. Для его впечатлительной натуры – незаживающая рана.

С юных лет Новиков замечал за собой способность удивительно хорошо и легко находить места для привалов. И когда бродил с рюкзаком за спиной по горам Кавказа, и на Перешейке тоже. В полной темноте, идя по тропе впереди группы, или за рулем машины на латиноамериканских проселках, ничуть не лучших, чем российские, он вдруг чувствовал: «Здесь!» Останавливался и указывал место. И всегда оно оказывалось лучшим из возможных.

Вот и сейчас. В сотне метров перед фургонами отчетливо вырисовалось на фоне неба дерево из семейства баобабов, на одном из местных языков именуемое «нвана». Хорошо вышли.

Андрей указал роботам, где и как ставить лагерь. Гигантское растение, окружностью ствола у земли метров в двадцать, если не больше, простирало далеко в стороны толстые, как ствол векового дуба, ветви. Под этой кроной свободно мог разместиться целый кавалерийский взвод. В тени многослойной листовой мозаики не росла никакая трава. Очень удобно разводить костер, да и насекомым здесь делать нечего. На голой земле не разгуляешься, а листья нваны испускали особые фитонциды, отпугивающие кровососов и иную безвредную, но раздражающую крылатую мелочь. Курорт, одно слово.

Новикову еще хватило сил и характера, чтобы расседлать своего коня. Но это и все. Он бросил у основания ствола седло, кое-как стянул сапоги.

Предел выдержки достигнут и даже перейден. Суммарно он проехал переменным аллюром почти двенадцать часов с короткими привалами. Может, это и не мировой рекорд, но с него более чем достаточно.

– Олег, – обратился он к Левашову, – распорядись насчет костра. Потом разведи *братву* по постам. Вы, девушки, как положено, сообразите насчет ужина. Точнее, – посмотрел он на начавший светлеть горизонт, – завтрака. «Человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать рано поутру», – не удержался он от очередной цитаты из Козьмы Пруtkова.

– Ты, Саш, поройся там в сундуках, чего-то необычного хочется... Шампанское мы сегодня больше пить не будем, подождем до дома. – Под домом он понимал «Валгаллу». – А вот коньячок, помнится, французский, урожая тысяча восемьсот девяностого года, где-то там завалился...

– Это, если по-нашему считать, столетняя выдержка получается, – усмехнулся Шульгин.

– И я о том же. Но девять лет тоже ничего.

Ирина, Лариса и Анна при свете костра и подвешенного на конце поднятого дышла фургона аккумуляторного фонаря разложили на развернутом брезенте походную снедь. В основном консервированную, из жестяных банок и вакуумных пакетов: паштеты, сыр, морепродукты, овощные закуски. На вертеле жарился подстреленный накануне Левашовым фазан, большой, как рождественский гусь. На алые угли капал, вспыхивая пылающими звездами, обильный жир.

– Ну, с избавлением, – сказал Новиков, поднося к губам походную серебряную чарку. Руки у него не очень сильно, но дрожали.

– А не с победой? – спросила Ирина.

– Да какая победа? – вместо Андрея ответил Шульгин. – Мы уже стали совсем как немцы...

– В каком смысле?

– Те тоже умеют выигрывать сражения, но проигрывают войны.

– Мы пока ни одной не проиграли, – с долей вызова возразил Левашов.

– Гинденбург до самого ноября восемнадцатого тоже так думал...

– Хватит вам опять о всякой ерунде спорить, – внезапно вмешалась Лариса, профессиональный историк. – Взялись, так пейте. Хотя Андрей прав, и для меня, и для Саши – прежде всего избавление. А что там с победами – после разберемся.

– Коньячок-то очень неплох, на самом деле, – сказал Новиков, прищелкнув языком.

– Кому как, – опять не согласился Шульгин. – На мой вкус – жидковат. То ли дело коллекционный «Двин».

– Вот эта тема гораздо лучше подходит для обсуждения, – кивнула Лариса, на глазах возвращаясь к привычному облику и стилю. – В коньяках я с давних времен разбираюсь, были у меня хорошие учителя. Главное ведь в чем, господа-товарищи? Тут все дело в психологическом настрое. «Чего вы пьете, где, когда и с кем». Наскоро, чтобы по мозгам ударило, без всяких эстетских заморочек – водки граненый стакан примите, и эффект достигнут. Даму чтобы красиво охмурить – пожалуй, вот такой «Фраппэн» подойдет, – указала она на стоящую между ними бутылку. – Тонкий вкус и отсроченное убойное действие. – Ну а «Двин», тут Саша совершенно прав, незаменим в компании серьезных людей под серьезную, кавказскую же закуску... В охотничьем домике над озером Севан.

Такой Лариса нравилась Новикову гораздо больше, и снова краем сознания мелькнула мысль, что не прочь бы он, лет так десять назад или пять, оказаться с ней в том самом охотничьем домике. Но увы. Тогда не случилось, а сейчас и думать нечего. С известных времен он «моногамен, как осел», по выражению одного приятеля.

Пока фазан окончательно доспел, выпили по второй и по третьей, ведя общий легкий разговор, никак не связанный с событиями последних дней. Несмотря на густую облачность и моментами срывавшийся мелкий дождь, рассветало быстро. Вельд, на сколько хватало глаз, был абсолютно пуст. Ни зверей, ни людей. С людьми ладно, а вот куда попрятались звери? Хоть бы один жираф замаячил на горизонте, или стадо антилоп гну, или канна. Даже львы ни разу не подали голос.

Как ни старались все присутствующие, пусть и по разным причинам, не касаться только что случившегося (все они, даже Анна, в отличие от обычных людей, давно научились сдерживать естественные эмоции и могли обходиться без обычных расспросов – «ну, как вы?», «а что там было?», «а как он, а она?»), разговор все равно перетек в нужное русло. Надо ведь как-то планировать дальнейшие действия, хотя можно было бы отложить на потом, когда все как следует выспится, и уже на свежую голову обсудить случившееся и вытекающее.

Шульгин, время от времени промачивая горло уже не крепкими напитками, а заваренным по местному рецепту аналогом зеленого чая, изложил девушкам и Левашову тщательно подчищенную, лишенную излишнего натурализма версию событий. Новиков, в свою очередь,

кое-что дополнил, в том числе постарался объяснить эпизод, касающийся Ларисы, с учетом собственных наблюдений, показаний пленного и размышлений Удолина. В его изложении получалось не очень страшно, чтобы у Ларисы полученный стресс преобразовался в воспоминание если не о романтическом, то достаточно безопасном приключении. Скорее курьезном, по причине взаимного недопонимания сторон. Когда нужно будет и от профессора поступят объективные материалы следствия, тогда можно рассмотреть тему *расширительно*.

После ответов как на деловые, так и на риторические вопросы слушателей Новиков голыми пальцами выхватил с края костра рдеющий, чуть подернутый пеплом уголек, бросил его в трубку поверх табака, несколько раз пыхнул, раскуривая. Трубку ему не приходилось курить довольно давно, все некогда было, ибо процесс этот требует покоя и даже некоторой самоуглубленности. На ходу ее курят только пижоны и люди непросвещенные, а истинному знатоку надо отвлечься от суеты, устроиться у камина или, как сейчас, у догорающего костра, соблюсти должный церемониал и – наслаждаться.

– Одним словом, на данный момент с некоторой долей уверенности мы можем предположить, что Антон с Арчибальдом были правы, настаивая на нашем уходе, – сообщил он. – Другое дело – так и осталось невыясненным, какими именно соображениями они руководствовались. Но совокупно с нашими собственными действиями получилось не так плохо. Если изложенная Константином схема взаимоотношений с дуггурами верна, то мы пресекли их активность в самом начале...

Он сообщил друзьям версию Удолина относительно своеобразных петель-восьмерок, в которые завилось время под взаимным воздействием землян через Гиперсеть, и дуггуров, действовавших собственными методами в прямом и боковом времени. В эту версию отлично укладывались и приключения Ляхова с Тархановым, совершенно случайно, с помощью Маштакова, активизировавших тоннели бокового времени и генерируемые ими зоны «искажений».

Можно сказать, в боестолкновениях с дуггурами наглядно проявился букет парадоксов, иллюстрирующих воздействие следствий на причины и обратно. Причем связь получалась не линейная, а куда более сложная.

– Тут тебе, Олег, вместе с Константином и его командой разбираться, ну и с Маштаковым тоже, он в эти загадки довольно глубоко проник, причем вполне самостоятельно. Заодно и в Пятигорск съездим. А у меня образования и воображения не хватает.

– Разберемся, – многообещающе и словно бы с угрозой сказал Левашов. – А пока – в двух словах, на уровне книжек Якова Перельмана...

Конечно, гораздо лучше было бы, если б Олег оказался на его месте и лично услышал все от профессора. Но это еще впереди, дай бог отсюда выбраться и укрыться за непроницаемыми для врагов любого рода бортами «Валгаллы»-парохода, а потом добраться и до станции Дайяны на Валгалле-планете. Заодно и познакомиться с его коллегами-некромантами.

В двух же, условно говоря, словах картинка выглядела таким образом. На ГИП, где сама по себе человеческая цивилизация их, дуггуров, не интересовала просто за ненужностью (как не интересуется обитателей муравейника соседняя железнодорожная станция – это сравнение Новикову очень нравилось, и он довел его до сведения друзей), они обнаружили для себя нечто куда более интригующее. А именно – присутствие аггров, удививших дуггуров своими ментальными характеристиками и определенным сродством по отношению к их собственному мировосприятию. Их они и принялись изучать, тоже по своим собственным методикам, для аггров непонятным и неприемлемым.

– Такая вот интересная коллизия, – усмехнулся Андрей, взглядом показав Шульгину, что не мешало бы плеснуть в чарки еще по глотку волшебного напитка. Кивнул благодарно и продолжил: – Три цивилизации, имеющие между собой очень мало общего, пересекались в зоне интересов, всеми тремя понимаемыми абсолютно неправильно.

– Неправильно – для кого? – спросила Ирина.

– Если еще точнее – с чьей точки зрения, – добавила Лариса.

– С нашей, само собой. Разумом, дарованным нам свыше. – Одной рукой Новиков опрокинул в рот чарку, другой указал на сильно порозовевшие облака над головой. – Мы умеем к собственной пользе воспринимать и трактовать все, и «тонкий галльский смысл, и сумрачный германский гений».

– Нескромно, – ответила Лариса.

– Кто бы говорил! – Третья сотня граммов коньяка, принятого после громадного физического и нервного напряжения, действовала на Андрея благотворно. В том смысле, что позволяла игнорировать некие общепринятые нормы политкорректности. – Не сообрази мы с самого начала, с детства, можно сказать, как именно следует поступать с *сапиенсами*, все могло бы сложиться совсем иначе. Для тебя – в том числе. «Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов*? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!».²⁰

Далеко не все поняли эту ни к селу ни к городу приплетенную фразу. Но Лариса поняла, да и Анна, молчавшая все время завтрака, пожалуй, тоже. Девушка она была проникательная и классику знала хорошо, в гимназии учили. А самой «классики» тогда было намного меньше, чем почти век спустя.

– Неизвестно, где бы ты сейчас была, не сообрази мы, как следует поступать с «братьями по разуму». Но это тоже неважно. Сейчас. Мы свое дело сделали. Грубо, кроваво – а кто нам выбор предоставлял? И в реале Главной исторической, как и в Югории, они не появятся долго-долго. На Валгалле, пожалуй, тоже. Слишком много мы им концов обрубали...

– Заодно дав понять, что связываться с нами им пока рановато, – добавил Шульгин.

– Совершенно верно. Тем более что они не имеют никакого представления о нашей *истинной* мощи, количественной и качественной. Те индивидуумы, с которыми они столкнулись, легко переиграли их лучшие силы тактически, продемонстрировав при этом техническое превосходство вооружения, а главное – психических сил.

Им не удалось подавить никого из людей даже поодиночке, в самых выгодных для них условиях внезапности и численного превосходства. На Валгалле мы, вдобавок, показали им силу нашего стрелкового вооружения и боевой техники. Вчера на базе они узнали... Да-да, узнали, – предупредил он попытку Шульгина что-то возразить, – не могли не узнать, ментальная связь у них наверняка действовала, и какие-то следящие устройства наверняка работали до последнего, – что есть в нашем распоряжении и методики, примененные Удолиным. Ранее на поле боя не замеченные. Эрго – их аналитикам наверняка придется задуматься.

А поскольку все попытки разделаться что с нами, что с агграми по всему столетнему спектру времен завершились полной неудачей, продолжения агрессии с их стороны в уже освоенных нами мирах ждать вряд ли стоит. Именно потому, что они – не люди. И в отличие от нас не станут наносить удар там, где однажды уже потерпели поражение. Я так думаю – понятие «разведка боем» им неведомо. Один английский мыслитель говорил: «Кошка ни за что второй раз не сядет на горячую печку. Но и на холодную – тоже». Это про наших партнеров... Так что, если мне будет позволено закруглить свою мысль, до чрезвычайности длинную и не очень связную, следующую встречу с господами дуггурами можно ждать только и именно в две тысячи пятьдесят шестом году. И нигде больше...

Последние слова Андрей произносил через силу, чувствуя, что стремительно проваливается в сон. Усталость, нервы, умственные усилия делали свое дело. Он мог заснуть прямо сейчас, откинувшись спиной на шершавую кору баобаба, но выглядело бы это *неправильно*. Никто бы не осудил, зная обстоятельства, но тем не менее. Поэтому он напоследок подобрался, встал, сохраняя полную координацию.

²⁰ См.: М. Лермонтов «Тамань».

– Если никто не возражает, я попробую вздремнуть «до подъема флага». Александр Иванович, думаю, тоже. Так что я пошел. При пожаре не будить, выносить в первую очередь...

– Теперь можно и Воронцова вызывать, – сказал Новиков Ирине, выбираясь из фургона. День уже перевалил за середину, на западе снова громоздились мрачные грозовые тучи, но на востоке небосвод оставался чистым.

Андрей чувствовал себя вполне отдохнувшим и готовым к любым поворотам судьбы. Только на ближайшие дни их, скорее всего, ожидать не следовало. Добраться бы поскорее до Дурбана, на месте изучить обстановку, а там и принимать очередные судьбоносные решения.

А сейчас следует думать только о возвращении без потерь и прочих осложнений. К заново разожженному костру, над которым уже висел на треножнике котелок с водой для чая, услышав голоса, подошли и Шульгин с Левашовым.

– Неси, Олег, свой ноутбук, – попросил Новиков.

Вывели на экран крупномасштабную карту, определили свое место.

– По кратчайшему расстоянию проще всего двигаться в сторону Мафекинга. Вот так примерно, – показал Андрей. – Тут всего полтора-два километра, местность подходящая. Если еще три дня назад наши очистили «железку» до Де Ара, а Воронцов собирался перебазироваться в Дурбан, поезд за нами оттуда за сутки доедет, ну, может, за двое, в зависимости от состояния путей и подвижного состава. Там и встретимся. Эй, Джо, тащи рацию, настраивайся на паром...

Несмотря на потрескивание в наушниках атмосферного электричества, слышимость была приличная. Только никого из своих на борту «Валгаллы» не оказалось. Вахтенный начальник доложил, что все уехали в город. Потому что воскресенье, и в Дурбан приехали президенты Крюгер и Штейн с делегациями, чтобы объявить о присоединении провинции Наталь к Трансваалу. По случаю чего намечены большие торжества.

– Ну, тогда записывай радиogramму, – сказал Новиков и продиктовал наскоро составленный в уме текст, в котором сообщал, что они, наконец, вырвались на волю, находятся на таких-то координатах, намереваются двигаться в сторону железнодорожной линии по кратчайшему направлению и ждут обещанного поезда с платформами и классным вагоном. Следующая связь в полночь, если не выйдет – потом каждые четыре часа.

– Слушай, а какое у вас там сейчас число? – спросил Андрей у робота.

Счет дням они давно потеряли и о том, что сегодня воскресенье, не знали. При последнем сеансе связи с Воронцовым стало понятно, что в области проживания дагонов они из нормального потока времени в очередной раз выпали, и на тот момент расхождение составляло больше трех недель. Особенно их это не встревожило, не такое приходилось видеть, и недели – это все же не годы.

Хотя пропущенной войны было жаль, Новикову хотелось лично поучаствовать в планировании и проведении кампании. Впрочем, ничего еще не потеряно. Кейптаун до сих пор не взят, в Капской колонии сосредоточены солидные британские силы, включая те, что успели эвакуироваться из Наталь. Если в ближайшие дни не состоится заключение перемирия или мира, повоевать и им доведется. Хотя бы на штабных картах.

Зато Басманов и Сугорин в полной мере проявили самостоятельность и стратегические таланты. Придется им генеральские чины присваивать.

Но три недели – это было три дня назад. А потом процесс пошел вразнос. К примеру, Лариса считала, что ее приключение заняло гораздо больше суток, а по расчетам «извне» – часов пять. Потом Шульгин с Удолиным Ларису выручили и перебросили в лагерь, а сами еще сколько-то, но никак не больше часа, провели на станции дуггуров, а на стоянке фургонов прошли сутки. Получается, что в пределах полусотни километров и, так сказать, *биологического* дня время несколько раз поменяло скорость и знак. В радиусе полусотни километров оно то

ускорялось, то замедлялось, то текло навстречу самому себе. В принципе, ничего удивительного здесь не было, приходилось уже сталкиваться с подобным, но в таком концентрированном и, так сказать, *взаимоисключающем* виде – впервые. Неизвестно, что случилось бы, задержись они в стране дагонов еще сколько-то. Очень возможно, что после уничтожения станции обстановка стабилизировалась, а может быть – наоборот, и что сейчас там происходит – невозможно и представить.

Поглощенному тревогой за судьбу Ларисы Левашову тогда было не до теоретических размышлений, Шульгину с Удолиным – тем более. Сам Новиков, приняв ментаграмму профессора, во время скачки через леса и вельд ничего такого не ощутил. Старался успеть как можно быстрее, да беспокоился, выдержат ли лошади, вот ему и казалось, что время тянется, как резина. А сверить перед боем часы, свои, Левашова, Шульгина, как это от века заведено, – никому в голову не пришло.

Вахтенный ответил. Новиков непроизвольно выругался.

– Что вы сказали?

– Ничего, это так, неопределенный артикль. Конец связи.

Он выключил рацию.

– Ну что, господа, позвольте вам доложить, что еще неделька пролетела мимо нас...

Когда все расположились вокруг костра, Андрей предложил Левашову «привести картинку в соответствие», как он выразился.

– Я лично все понимаю и без подробных объяснений, – не замедлил вмешаться Шульгин, – кроме одного – если время у нас течет медленнее, чем там, – как получается по радио нормально разговаривать? Всем случалось пластинку 33 на 78 оборотов включать. И наоборот. И здесь так же должно быть.

– Тонко подмечено. Но из этого следует лишь то, что в моменты связи время у нас и на «большой земле» шло одинаково. А все катаклизмы имели место быть за пределами первой и нынешней «точки стояния», – ответил Левашов. – Либо радиус поражения был меньше, чем расстояние до наших фургонов, либо *пятно хроноклазма* имеет неправильную форму...

Ирина, вроде бы бесцельно черкавшая прутиком по земле, подняла голову.

– Могу предложить еще одну, вполне безумную идею, – сказала она с усмешкой. – Наши роботы...

– Что – роботы? – не понял Левашов.

– Роботы, являющиеся элементами Замка, вполне могут обладать неизвестными нам свойствами. В том числе – способностью генерировать вокруг себя нечто вроде кокона, непроницаемого для здешнего хронополя. Там, где они находились (а кто-нибудь из них постоянно оставался при фургонах), время текло нормально.

– Не получается, – тут же сообразивший больше того, что хотела сказать Ирина, ответил Олег. – В этом случае мы бы с ними *разминулись*...

– Отнюдь нет, – возразила она. – Как ты себе это представляешь? Главное, что они все время оставались на том же самом месте. А сколько именно часов или дней прошло для нас и для них...

– И для лошадей, – неожиданно вставила Анна, обычно старавшаяся не вмешиваться в научные дискуссии «старших».

– Совершенно верно. Лошади щипали травку, пили воду и спали, совершенно не задумываясь, день прошел или неделя.

Все дружно рассмеялись. А ведь действительно. Если никому не пришло в голову приказать роботам отслеживать время отсутствия в лагере каждого из них, то по своей инициативе они подобными изысканиями заниматься не были обучены. А теперь что же? Если даже попытаться провести ретроспективный хронометраж, так он ничего не докажет. Другое дело – вернуться и провести инструментальные исследования...

– Очень может быть, что-то в твоей идее есть, – сказал Новиков. – Не зря же дагоны сразу усекли «чуждость» наших спутников и велели им оставаться за неким, возможно, точно рассчитанным пределом. Чтобы не нарушали режим дня.

– Ладно, как бы там ни было, это не самая важная сейчас загадка. На этот раз я час и минуту связи с «Валгаллой» засек. При следующем сеансе сопоставим. А пока будем сворачивать бивуак и начинать движение. Путь неблизкий, успеем наговориться.

Лагерь свернули, фургоны загрузили по-походному, все лишнее убрав подальше, а под руками оставив самое необходимое, то, что может потребоваться немедленно, исходя из обстановки. Предстояло пересечь много десятков километров открытого пространства, и еще неизвестно, насколько соответствуют действительности слова Воронцова трехдневной давности.

Это хорошо, что англичане стремительно отступили в южный треугольник Капской колонии, к Кейптауну. Но из опыта многих следующих войн было известно, что в случае отсутствия сплошного, «планомерного сокращаемого» фронта, когда отступающие войска не имеют возможности сохранять зрительную и огневую связь, случается много интересного.

Великолепный пример – собственная Гражданская война 1918–1922 годов. Во многом похожая на нынешнюю Англо-бурскую. Разгром ударной группировки противника и введение в прорыв всех имеющихся в распоряжении сил по единственному направлению автоматически приводят к тому, что по флангам и в тылу наступающих войск всегда остается значительное количество недобитых и просто незамеченных частей противника. В зависимости от их численности и инициативы командиров возможны крайне неприятные последствия. О партизанском движении англичан в тылу буров говорить не стоит, но несколько рот, батальонов, а то и полков вполне могли опомниться, привести себя в относительный порядок и устроить победителям серьезную войну на коммуникациях.

Или просто пробираться вслед за наступающими бурами в надежде рано или поздно воссоединиться с главными силами, когда те, наконец, сумеют стабилизировать фронт.

В любой момент «кладоискатели» могли нарваться на один из подобных отрядов. Да и того, что не только регулярные войска могли попасться на пути, а и пресловутые ойтландеры организуют собственные шайки мародеров, исключать никак было нельзя.

Поэтому вся система охраны и обороны каравана на марше была продумана с учетом имеющихся фактов, исторических и умозрительных. Огневая мощь отряда после стычек с англичанами и битвы с дуггурами не пострадала. Патронов расстреляли почти половину, но и оставшихся хватит, чтобы обратить в бегство очередной кавалерийский полк. А уж на самый крайний случай, думать о котором никому не хотелось, можно было прибегнуть к совсем не *конвенциональным* методам. Выпустить роботов, как стаю бойцовых собак на пьяную компанию уличной шпаны, приказав уничтожать всех, не стесняясь в способах. Они голыми руками перебьют, передушат батальон полного состава, «чувств никаких не изведав».²¹ Именно этого почему-то опасался Антон, когда Воронцов завел с ним первый разговор о роботах.

С одной стороны, смешно рассуждать о гуманизме после того, как в середине, а тем более – конце просвещенного XX века армады бомбардировщиков вываливали фугаски и зажигательные бомбы на города с мирным, по преимуществу, населением, за один раз испепеляя сотни тысяч ни в чем, кроме принадлежности к той или иной нации, не виноватых женщин и детей, а с другой – имеется, как ни крути, у людей того же века особый внутренний стопор.

Позволить механическому существу, ничем не рискующему, безнаказанно рвать на куски *живых людей!* Это же варварство запредельное! Ни с какими конвенциями о *культурном* ведении боевых действий не согласующееся. И снова контрдовод: а танк – не *механическое* устройство? Давит гусеницами *живую силу* противника именно он, человек только за рычаги дергает.

²¹ В. Маяковский. «Стихи о советском паспорте».

Молодцы евреи, подумал Новиков. Они этот наш отвратительный, по сути, процесс рефлексий и саморефлексий вывели за пределы обыденной жизни. В синагогах две тысячи лет только и делают, что обсуждают утонченнейшие проблемы вероучения и правила устройства личной жизни. Доводы реббе из Кордовы VIII века воспринимаются на равных с построениями мудрецов XX, ибо лежат в одной плоскости. А за дверями той же синагоги живут применительно к текущим обстоятельствам. А мы все пытаемся совместить духовное и земное.

Еще два дня они спокойно ехали по вельду на восток. Не спеша, потому что спешить было совершенно некуда. Фургоны по мягкой рыжей земле катились мягко. Лошадям хватало корма. Желаящие развлечься охотой, как видом спорта, и принести к общему столу какую-нибудь вкусную дичь далеко отъезжали в стороны, не по одному, конечно. И всегда возвращались с добычей. Пару раз у горизонта появлялись группы слонов, но как дичь они никого не интересовали, а попадаться им на пути было просто неразумно. Разъезжались без ненужных столкновений.

Только вот радио почему-то совсем перестало работать. Несколько попыток выйти на связь закончились ничем. Сплошной вой и свист в эфире, и ничего больше.

– У нас неполадки или у них? – спросил Новиков Левашова после очередной попытки.

В этот раз они привал устроили на опушке леса, чтобы закинуть антенну на самое высокое из деревьев.

– Был бы я такой умный... – скривился Олег. – Судя по звукам – обычное непрохождение волн. Очень сильный грозовой фронт поперек или магнитная буря. Мы же на КВ работаем. Сам должен понимать...

– Не нравится мне это. Подозрительно как-то. Может, мы опять – того... Провалились вниз еще на одну геологическую эпоху.

– Типун тебе на язык. Буду пытаться выходить на связь каждый час.

Тут и загудело с западных четвертей горизонта.

Лариса вдруг вздрогнула, побледнела, как-то сжалась.

– Это – тот самый звук. Это опять они летят.

Кто именно – спрашивать не было необходимости.

Выходит, Новиков, поверивший словам Удолина, переданным Сашкой, снова ошибся. Дуггуры не уничтожены и не деморализованы, они очень быстро пришли в себя после разгрома и подняли в воздух свои летающие тарелки. О которых друзья в победной эйфории как-то совершенно забыли. Что само по себе странно. Такое впечатление, будто очередной мёрток на них наслали. Лариса очень подробно рассказала об этих летательных аппаратах, даже назвала их точное количество, а во время штурма станции и допроса пленного Сашка с профессором отчего-то не заинтересовались, где сейчас находятся эти устройства, каковы их ТТХ и кто ими управляет. Словно память именно об этом существенном факте была у них заблокирована.

Но рассуждать и выяснять, как такое могло случиться и какие из этого следуют выводы, сейчас было некогда.

Андрей совсем забыл, что ни Шульгин, ни Удолин о «тарелках» ничего конкретного не знали, это только ему и девушкам Лариса о них рассказала. После возвращения. Так что удивляться было нечему и винить некого. Он сам должен был, когда прискакал за друзьями к дуггурской станции, поднять эту тему. Так и ему было совсем не до того.

Если удастся выжить, тогда можно будет вернуться к этому любопытному вопросу.

С «медузами» большинству присутствующих сталкиваться приходилось, и хотя их истинные боевые возможности остались неизвестными, главное было ясно – противостоять ни стрелковому оружию землян, ни гравитационному аггров они не в состоянии. Так то «медузы», а летательные аппараты, с которыми имела дело Лариса, выглядели и функционировали совсем

иначе. Однако, по ее же словам, впечатления сверхзащищенных «летающих крепостей» они явно не производили.

Глава 5

Капитан парохода «Царица» Челноков, принявший на борт Кирсанова, Давыдова и Эльснера, рассчитал так, что траверз мыса Доброй Надежды миновали в десятом часу вечера, когда уже окончательно стемнело, да и небо, как по заказу, затянули плотные тучи. Высадка на берег в таких условиях была задачей достаточно рискованной, однако карта глубин не сулила неожиданных мелей и рифов, да и капитан ходил здесь не один десяток раз, зрительно представлял очертания побережья в окрестностях Кейптауна. Английская лоция тоже была достаточно надежной: колонизаторы за семьдесят лет со свойственной им тщательностью произвели все гидрографические и картографические работы от устья Оранжевой реки до границы с Мозамбиком.

Во всем полагаясь на капитана, который считал задачу выполнимой и даже не очень трудной, Кирсанов все же испытывал естественное беспокойство человека, не имеющего возможности активно влиять на обстоятельства. В морских делах он разбирался слабо, да и капитан не позволял кому-либо вмешиваться в собственные прерогативы. Согласился помочь в рискованном деле – и на том спасибо.

За ужином Челноков как бы между прочим сообщил пассажирам первого класса, что входить в порт ночью считает не совсем безопасным по навигационным, а также и политическим причинам. Война все-таки, и можно наткнуться на английские сторожевые корабли, а что им может прийти в голову – неизвестно. Так что он решил отойти мористее и положить пароход в дрейф, а уже с рассветом продолжить путь.

– Посему спокойно отдыхайте, господа, а утром увидите Столовую гору во всей ее красе. – Капитан допил свой чай и откланялся.

Несколько позже Кирсанов вслед за ним поднялся на мостик.

– У вас все готово, Геннадий Арсеньевич?

Челноков молча кивнул, обводя биноклем море вокруг и невидимую береговую линию. Нигде ни огонька до самого горизонта. А даже свет обычного костра, не говоря уже о судовых навигационных огнях, был бы замечен на десяток миль.

Пароход, неторопливо подрабатывая машинами, продвигался вперед. Когда, по счислению, до заранее намеченной укромной бухты оставалось около двух миль, капитан приказал застопорить машину.

– Я, прошу прощения, немного все ж таки опасаюсь, – вновь нарушил молчание Кирсанов. – Ваши люди... В Кейптауне никто не проболтается? Так, случайно, в трактире, например? Без всякого злого умысла.

– Не извольте беспокоиться, – ответил Челноков. У них с Кирсановым уже был разговор на эту тему, когда они обсуждали и прорабатывали план выгрузки. Тогда полковник выспросил у капитана подробности биографии и службы всех его людей, и рядовых матросов, и состава. Наличие среди них английских шпионов он, конечно, не предполагал, не то пока еще время, но опыт подсказывал, что совсем не так редко среди вполне обычных людей встречаются личности с разного рода «завихрениями», и мало-помалу их становится все больше. Соразмерны ли, к примеру, были причины и последствия мятежа на «Потемкине»? Или на «Очакове»?

Пусть на «Царице» нет тайных социал-демократов или анархистов, так могут оказаться «искатели приключений», готовые сбежать с корабля в чужом порту. Сколько раз такое случилось. А уж если сбежит, так наверняка, чтобы заручиться благосклонностью местных властей, донесет о странных пассажирах и тайной разгрузке неизвестных вещей поблизости от порта.

Однако капитан заверил, что всех своих людей знает лично, случайных среди них нет, плавают с ним не первый рейс и ни в чем предосудительном не замечены.

– И болтунов у меня не водится, были случаи убедиться. Если все обойдется, кое-какое вознаграждение людям не помешает, это уж как водится. Оно, конечно, можно и подписки о неразглашении государственной тайны взять, с соответствующим предостережением, но если располагаете суммой на такого рода расходы – лучше будет. В остальном положитесь на меня.

– Это вне всякого сомнения. А для надежности, скажем, сегодня же, как дело сделаем, – каждому матросу я вручу по десять рублей золотом, офицерам – в размере месячного оклада. И сообщу, что при возвращении в Россию вы от моего имени выплатите им еще столько же.

– Это даже щедровато получится, – ответил капитан.

– Ничего, казна не обеднеет. Зато гарантия. Вы тоже будете вознаграждены двойным жалованьем за весь рейс. И, как я обещал, в нужном месте замолвлю за вас словечко. Глядишь, да и пригодится. Мы надежных людей ценим...

Один из вельботов был заранее загружен сундуками с оружием и прочими предметами, могущими пригодиться в глубоком тылу противника. В том числе и такими, о которых нынешняя цивилизация понятия не имела.

Кирсанов допускал, что в ходе высадки могут произойти всякие непредвиденные случайности, среди них простейшая – им не удастся возвратиться обратно на «Царицу». Мало ли что – неожиданная встреча на берегу, внезапно налетевший шторм, появление неприятельских сторожевиков. Поэтому они отправлялись на берег все трое, должным образом одетые и снаряженные.

При почти штилевом море спуск на воду трудностей не составил и был произведен быстро и четко, так, что не только пассажиры, но и свободные от вахты члены экипажа ничего не заметили. Четверо матросов сели на весла, боцман на руль. Челноков занял место на правом крыле мостика, с мощным фонарем, проблесками которого в случае необходимости намеревался помогать вельботу выдерживать в темноте нужный курс, а главное – в случае чего просигнализировать азбукой Морзе о неожиданных осложнениях, если таковые возникнут. Капитан участвовал в Русско-турецкой войне и за двадцать лет не забыл, как высаживал разведывательные партии в дельте Дуная. Тогда потруднее и пострашнее было.

Такой же фонарь имелся и у Кирсанова. Он не стал демонстрировать старому моряку ноктовизор. Незачем ему о таких вещах знать. Вдобавок пусть проникнется ощущением собственной значимости в выпавшем ему деле. Устроившись на передней банке, прикрытый сзади Давыдовым и Эльснером, вооруженными автоматами, он настроил прибор и приказал боцману начать движение.

Слаженно работая веслами, без плеска и скрипа уключин, матросы за полчаса подогнали вельбот почти вплотную к началу прибойной полосы. Стал слышен шум набегающих на галечный пляж волн и громкий перестук камней.

Навигационные огни «Царицы» едва виднелись в затягивающей горизонт дымке испарений, но вспышки фонаря различались хорошо.

– Теперь посветите немного, ваше благородие, – попросил с кормы боцман. – Какая там высота волны?

– Не стоит. Я в темноте как кошка вижу, – отозвался Кирсанов. – Держи руль прямо: берег чистый, и волна с аршин, не больше. Еще с десятков гребков – и суши весла. Сама вынесет.

Так и получилось. Вельбот скрежетнул килем о дно, очередная волна слегка приподняла его и подтолкнула вперед, за урез воды, больше чем на половину корпуса. Матросы и Кирсанов с офицерами спрыгнули на берег и рывком выдернули плавсредство на сушу целиком.

– Тихо! – поднял руку жандарм. – Пару минут стоим тихо, смотрим, слушаем.

– Куда тут смотреть, – буркнул под нос один из матросов, – и не слышать ничего, окромя прибоя...

– Тихо, – свистящим шепотом повторил Кирсанов, – а то вы у меня и увидите и услышите много интересного...

Вернувшись в годы своего детства и юности, Павел Васильевич неожиданным даже для самого себя образом начал забывать многие благоприобретенные привычки и возвращаться к исходному мировосприятию. Точно так, как инородец, получивший университетское образование в метрополии, возвратившись в родные Бомбей или Бухару, легко вспоминает прежние феодальные привычки.

Уловив хорошо знакомые нотки в его голосе, матросы замолчали. От такого «барина» и по зубам схлопотать недолго. В девятнадцатом веке фраза: «Их милость из собственных ручек набили морду» – звучала совсем не гротескно, скорее даже уважительно.

Кирсанов, бесшумно ступая по гальке, прошел метров на десять вперед, внимательно осмотрел сам пляж и склоны окружающего бухту плато. А специально настроенным аудиоселектором, отсекающим посторонние звуки и выделяющим нужные, прослушал окружающую местность в километровом радиусе. Все было чисто.

По крайней мере, ничего, намекающего на наличие поблизости живых, тем более – разумных существ, приборы не фиксировали. А как известно, бесшумных засад не бывает. Особенно в здешние, патриархальные времена. Тем не менее. Могли и здесь оказаться умельцы, ничуть не уступающие Кирсанову и штабс-капитанам в подготовке и квалификации. Это полковник усвоил из предыдущего опыта, приобретенного на службе «Андреевскому братству».

– Никита, Павел, выгружайте багаж, – распорядился он. – Я пройду до откоса, присмотрю место, потом просигналю. Оружие на изготовку, не курить, не разговаривать. Один наблюдает за мной, второй – за пароходом. Начали...

Бухта была выбрана весьма подходящая: с полкилометра между образующими ее мысами, чуть больше в глубину. Высота отрогов Капских гор, террасами спускающихся к морю, составляла до километра по вертикали, но от пляжа вверх вели две широкие пологие расселины, по одной из которых низвергался достаточно широкий ручей с несколькими водопадами. Зато вторая была сухой и вполне доступной для пешеходов, лошадей или мулов.

Помигав фонариком, он приказал Давыдову и Эльснеру начать транспортировку груза, а сам двинулся вверх по распадку, присматривая место для схрона. Вскоре такое нашлось. Будто идеально для них приспособленное. Пещерка между скалами, вход окружен довольно густыми зарослями растений, похожих на плющ или хмель, глубокая и сухая, это Кирсанов почувствовал, как только вошел. Ни малейшего намека на сырость в воздухе, пахнущем песчаной пылью и немного серой. Даже удивительно вблизи океана и совсем недалекого ручья. Но это могло бы интересовать спелеологов, а полковник был практик. Он не собирался прятать здесь свое имущество на годы, за которые что угодно может случиться, а за две недели или даже месяц с прочнейшими кофрами ничего не делается.

За полчаса кофры были уложены самым удобным образом, каждый по отдельности в трещинах и нишах, замаскированы песком и камнями. Потом и сам вход в пещеру тоже заложили крупными обломками плитняка, в изобилии валяющегося поблизости. Для полноты картины свежую стенку задрапировали зеленью, не слишком нарушив естественное расположение колючих и цепких лиан.

– Ну и слава богу, – сказал Кирсанов, когда работа была сделана. – Вы, братцы, – велел он матросам, – идите к вельботу, готовьтесь отплывать. На водку сегодня уж точно заработали. Мы вас догоним...

– Закурим, наконец? – спросил Давыдов, присев на камень и положив на колени автомат.

– Курите, – разрешил Кирсанов. Опасности теперь точно не было, раз до сих пор не проявилась. – Я почему вас задержал? Давай, Павел Карлович, пробегись наверх до самого выхода на плато, осмотри дорогу и метку там оставь подходящую, чтоб мы потом не плутали,

а я сейчас сюрприз на всякий случай организую. Мало ли, кто тут лазить вздумает, из чистого любопытства...

По верхнему краю свежеуложенной стенки он натянул тонкий капроновый тросик, соединенный с чеками двух гранат осколочно-фугасного действия, спрятанных между камнями. Теперь, если кто попыбует проникнуть внутрь, испытает большое недоумение. Непродолжительное, впрочем. Если это будут кафры, то выжившие сюда вряд ли вернутся на протяжении жизни ближайшего поколения, ну а если англичане... Уцелевшие, буде такие окажутся, тоже призадумаются, стоит ли лезть дальше.

– Теперь пошли, – сказал он, когда Эльснер вернулся и доложил, что дорога вполне проходима до самой вершины плато.

– Ориентир – треугольный валун рядом с сухим деревом.

На пароход вернулись через два с небольшим часа, и капитан облегченно вздохнул. Он тоже порядочно перенервничал, что там ни говори, а операция представляла собой контрабанду в чистом виде, притом – военную, и наткнись на них англичане, неприятности грозили крупные. Вплоть до конфискации парохода и интернирования экипажа.

– Спасибо за помощь, Геннадий Арсеньевич, – пожал ему руку Кирсанов. – Угощение за мной. Прошу в каюту.

Давыдов, когда матросы под руководством боцмана закрепили на рострах вельбот, пустил по кругу фляжку с шестидесятиградусным ромом и «от себя» вручил каждому по серебряной английской кроне.²² На эти деньги можно было с ног до головы приодеться в магазине готового платья или дня три не вылезать из хорошего паба, ни на что более не отвлекаясь.

– Но вот этого не советую, братцы, – доверительно сообщил он, когда такая идея промелькнула в дружеском разговоре, стимулированном второй очередью глотков и папиросами из портсигара штабс-капитана. Его легкий характер и два года окопной жизни на Мировой войне научили общаться с нижними чинами настолько, что в недоброй памяти марте семнадцатого его не только не убили, но и собирались избрать командиром полка. Благо, он вовремя сбегал на юг, к Корнилову. А с этими спокойными, обстоятельными и рассудительными людьми разговаривать было куда легче, чем с озлобленными солдатами, тем более что начальником он для них не был.

– За труды и правильное поведение с вами особо расплатятся, и очень хорошо, только вот прямо сейчас советую забыть обо всем, как ничего и не было. Никуда не плавали, ничего не видели и не слышали. А если кто, особо наблюдательный, что-то приметил, отвечайте, что капитан посылал глубины по курсу промерять. Карта, мол, у него ненадежная. Договорились? Тогда допивайте, что осталось, и по койкам. Часа три до побудки, не меньше.

Рассветало долго и неохотно, сырой туман, упавший после шестой склянки,²³ не пропускал солнечные лучи, и ход «Царице» капитан дал только в начале восьмого, когда видимость улучшилась до трех миль. Через два часа вдали открылся Кейптаун.

Порт и раньше был одним из самых оживленных и загруженных на всем африканском побережье, не считая, конечно, средиземноморских, но сейчас он просто поражал обилием судов всевозможных классов, грузовых и пассажирских. Вдобавок у стенок и на рейде скопилась целая эскадра боевых кораблей, от самых современных до давно устаревших, годных лишь для брандвахтенной службы. Да на этом театре, если бы не внезапные диверсии «Изумруда», боевые корабли вообще не требовались, по причине отсутствия у противника хоть каких-то морских сил.

²² Крона – 5 шиллингов.

²³ Шестая склянка – шесть сдвоенных ударов судовым колоколом, отбивающим каждые полчаса. После восьмого отсчет начинается снова, что соответствует четырем часовым вахтам. В данном случае – три часа утра.

Кроме крейсеров вдалеке слегка дымили трубами два броненосца, тоже не слишком новые, постройки начала девяностых годов. Транспорты и крейсера, имеющие видимые повреждения в корпусах и надстройках (следы недавнего боя), были пришвартованы поблизости от дока, но бурной ремонтно-восстановительной деятельности на них не отмечалось. Либо англичанам сейчас было не до того, либо просто не хватало подготовленных специалистов.

– Громадную силу собрали альбионы, – не то уважительно, не то с насмешкой сказал Давыдов, стоя рядом с товарищами на полубаке и с искренним интересом рассматривая открывающуюся перспективу.

– Если уж «Изумруд» среди них такого шороху навел, так нашей «Валгалле» – на один зубок, – отозвался Эльснер. – Задумай господа руководители войну до победного конца, все они тут на дно и лягут. Хуже, чем наши в Порт-Артуре.

– Я бы так и сделал, – мрачно бросил Кирсанов, не отрывавший от глаз окуляров двенадцатикратного бинокля. – Подошел, расстрелял и снова ушел. Пусть потом премьеры и императоры между собой разбираются, кто и зачем...

– Позволю не согласиться, Павел Васильевич, – возразил Давыдов, неожиданно проявивший стратегический подход к вопросу. – Подобная акция, эффектная сама по себе, может вызвать совершенно неожиданные последствия в мировом масштабе. Едва ли не худшие, чем начало Мировой войны...

До причала, к которому собиралась швартоваться «Царица», было еще не меньше получаса самым малым ходом, и времени на абстрактные разговоры хватало. Когда дойдет до дела, Кирсанов праздной болтовни своим паладинам не позволит.

– И в чем же вы такие последствия видите? – спрошено было с оттенком любопытства, но и с намеком, что любой ответ будет воспринят как праздные умствования именно что строевого штабс-капитана, никак не серьезнее.

– Да вы же представьте, Павел Васильевич! Ну, расстреляет «Валгалла» с дальних дистанций весь английский флот. О стратегической пользе подобной акции спорить не буду, но вот в политическом плане! Это немедленно станет известно всему миру, подводные телеграфные кабели работают нормально. Это будет... Это будет... Ну, как падение на Землю большого метеорита...

– И что? – по-прежнему спокойно осведомился Кирсанов. Он умел себя вести и держать сообразно обстановке где угодно и с кем угодно. Всегда оставаясь самим собой. – Британский флот уничтожен неизвестно кем. Общество в ужасе, панике и ярости. На что эти чувства обратятся?

– Точнее – на кого, – вставил до того невозмутимый Эльснер.

– Это я и имею в виду, – кивнул Кирсанов. – На собственное правительство, допустившее подобное. Реального врага нет. Любая из держав от подобного обвинения легко отмажется. И будет крайне убедительна, потому что так оно и есть...

– Но если обозначится непонятная никому и угрожающая всем сила...

– Это будет лучшим из вариантов, – холодно скривился Кирсанов. – Станут не возможными никакие альянсы, поскольку никто никому отныне доверять не сможет, начнется гонка вооружений, опять же индивидуальная, прикрываемая тезисом о наличии неведомого врага, которого на самом деле все станут подозревать друг в друге. Позорно проигравшую Британию все не только перестанут уважать, все кинутся делить ее наследство... Дело в том, что подобным образом вопрос пока не стоит, а если даже и да, то не перед нами. Короче, господа, я эту тему закрываю, отвлекаться на нее можете только перед сном, если посторонние обстоятельства не помешают... – В голосе Кирсанова прозвучал оттенок, похожий на вибрацию длинной стальной полосы.

– А через двадцать минут мы пришвартуемся к берегу, и начнутся у нас совсем другие заморочки, – продолжил он «предполетный инструктаж». – Я вас прошу, Никита, уберите

со своего лица печать излишней образованности и склонности к умственным упражнениям. Это не соответствует вашей легенде. Ваша ведущая черта характера – авантюризм и страсть к наживе. Вы ехали сюда, понятия не имея ни о какой войне и надеясь прилично устроиться поблизости от алмазного бизнеса. Отнюдь не копаться в шахтах, разумеется, а наняться кем-то вроде управляющего, посредника или в этом роде. Естественно, это свидетельствует о вашей наивности, но сами вы об этом не подозреваете... Считаете, что знание языка и опыт коммивояжера вам откроют все двери.

– А вам не кажется, что, узнав о войне, мы должны бы сообразить, что все предварительные планы рухнули и нам тут нечего делать, Павел Васильевич? – старательно невинным голосом спросил Эльснер. – Исходя из обычной логики – какой может быть бизнес в таких условиях?

– Так не мировая же война началась, – возразил Кирсанов. – Так себе, колониальная заварушка. В которой ты, Павел, хитрый немец, сможешь извлечь намного больше личной пользы, чем в спокойные, устоявшиеся времена. Не у нас ли сказано: «Кому война, а кому мать родна»?

– А сами-то вы, Павел Васильевич, как настроены? – спросил Эльснер. Здесь, в виду вражеской твердыни, затея представлялась ему не такой простой и однозначной, как в процессе ее подготовки.

– Соберись, барон. Смотрю на тебя и удивляюсь. Когда в Крыму высаживались, ты так не мандражил... – У жандарма начали одно за одним выскакивать слова, которых он нахватался от «старших товарищей». Что, как показалось Эльснеру, намекает на его собственное нервное напряжение, которое он старательно скрывает от подчиненных.

– Ты же из нас в самом выгодном положении. Не русский, даже не подданный Российской империи. Знакомы мы случайно, общих интересов и целей не имеем. Если и будем поддерживать какие-то связи, так только потому, что других знакомых у нас нет... Не дергайся, одним словом. Если контрразведка к нам прицепится, сдавай всех. Хитренько так, подловато. Мол, вон тот господин во Владивостоке на причале с военными моряками очень тепло прощался, так не русский ли он шпион? Про меня вообще можешь сказать, что подозреваешь в связях с шанхайским опиумным картелем. Болтай много и избыточно правдоподобно...

– Павел Васильевич, – встревоженно сказал Давыдов. – Что-то у нас предварительные наметки начинают расходиться с тем, что вы сейчас говорите...

– Знаешь, Никита, – задушевым тоном, приобняв его за плечо, ответил Кирсанов, – ты что думаешь, я совершенно железный, непробиваемый человек? Я вот тоже посмотрел картину в реальности, ваши слова послушал, и показалось мне, что игра вполне может пойти отнюдь не по нашему сценарию. Оно, конечно, век девятнадцатый – не двадцатый, и шансов у нас поболее, и запасные тузы в рукаве, а все ж может и так и так повернуться. Вот я и ввожу в схему дополнительную степень свободы...

– О чем это вы, господа, тут секретничаете? – неожиданно раздался за спиной сочный баритон всегда довольного собой человека. – Насчет поиграть в покер? Готов составить компанию. Но вы же собрались на берег здесь сойти? Или передумали?

Это подобрался к ним, бесшумно ступая мягкими туфлями, статский советник Еромолаев, Евгений Лаврентьевич, милейший человек, выслуживший на Дальнем Востоке пенсию по судебному ведомству и теперь возвращающийся в Петербург, чтобы доживать оставшиеся годы в покое и довольстве. И пенсион сам по себе неплох, и сбережения кое-какие имеются, а в случае нужды можно будет присяжным поверенным устроиться. Все ходы-выходы он знает, красноречием бог не обидел (что офицеры заметили с первых же часов знакомства), так что будущее сомнений не вызывало.

Этими и многими другими сведениями Евгений Лаврентьевич щедро делился с новыми знакомыми, за отсутствием на пароходе других достойных собеседников.

Вот и сейчас, возникнув из-за тамбура носового сходного люка, Ермолаев включился в разговор, обрывки которого уловил, приближаясь. Или подслушивал аккуратно с самого начала. Кирсанов этого не исключал.

– Да вот действительно соображаем, как нам теперь быть, в силу вновь открывшихся обстоятельств. Сходить ли на берег или продолжить путь до мест более спокойных... – ответил Павел Васильевич, не выходя из образа. – А покер так, к слову пришлось. Может, вместо серьезного дела как раз им зарабатывать придется.

– Тоже неплохое дело, если действительно туз в рукаве и шандалом по лицу получить не боитесь, – тоном знатока ответил Ермолаев. – А что вас в остальном так уж волнует? – легко переключился на следующую тему судейский. – Что вам до их войны? Призыву вы не подлежите, а до всего остального... Был бы я помоложе да не обременен семейством, ей-богу, составил бы вам компанию.

Победят англичане, присоединят к себе здоровенный кусок Африки – для налаживания единообразной власти и экономического устройства много опытных людей потребуется. Когда еще из метрополии и иных государств они сюда доберутся. А вы уже здесь. Изволили читать Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы»? На новообретенных землях всегда великолепные возможности открываются. Если не зевать, конечно. Я вот тоже... Рискнул в свое время к берегам тихоокеанским отправиться, в дичь да глушь. Очень меня доброжелатели отговаривали – куда, мол, из столицы, с хорошей должности, да в дебри Уссурийского края. А в итоге я прав оказался, а не они. И выслуга шла год за три, и чины, и жалованье, и *безгрешные доходы*, само собой, – при этих словах он хитро усмехнулся и подмигнул. – Одним словом, не сомневайтесь, господа. Когда и ставить последний рубль ребром, как не в ваши годы?

От близкого берега, пыхтя машиной и густо дымя из высокой медной трубы, к борту направился катер с лоцманом и еще какими-то людьми на борту. «Царица» заходила в Кейптаун регулярно, шесть раз в год, и ее, как и капитана, хорошо здесь знали.

Челноков всегда швартовался без помощи лоцмана. Он дал короткий приветственный гудок, приподнял над головой фуражку и жестом показал, что в помощи не нуждается. Пароход уже двигался по инерции, которой как раз хватало, чтобы четко притереться бортом напротив пакгауза, в который предстояло сдать груз из самого Владивостока и попутных портов и принять новый, если таковой окажется. Рыжебородый офицер в синем кителе с серебряными нашивками на рукавах через рупор швартовку разрешил, но приказал до прихода специального комиссара никого на пирс не спускать.

Челноков выругался. Ну, начинается.

– А причальная партия как же? – как можно более ядовитым голосом осведомился он. – Кто троса на кнехты заведет? Не вы же? Давно я того бардака не видел, чтобы капитану велели швартоваться, на пирс не сходя! – Он тоже кричал в рупор, не выбирая выражений. Любой капитан дальнего плавания портовых крыс не уважал и не должен был уважать, кроме лоцмана, конечно, который тоже принадлежал к *сословию*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.